А.А. Хисамутдинов

Жизнь и приключения синолога П.В. Шкуркина

汉学家П．В．什库尔金：生活和历险

А.А. Хисамутдинов

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ СИНОЛОГА П.В. ШКУРКИНА

Монография

汉学家П.В.什库尔金：生活和历险

Научное электронное издание

Научный редактор
Т.В. Прудкогляд, канд. ист. наук, профессор кафедры журналистики
и издательского бизнеса ДВФУ

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2015

УДК 919
ББК 76.1
Х51

Рецензенты:
Ю.В. Аргудяева, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН;
А.Ф. Старцев, д-р ист. наук, заведующий отделом этнографии, этнологии
и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН

Хисамутдинов, Амир Александрович.
Х51 Жизнь и приключения синолога П.В. Шкуркина [Электронный ресурс] = 汉学家П.В. 什库尔金：生活和历险 : монография / А.А. Хисамутдинов ; науч. ред. Т.В. Прудкогляд. – Электрон. дан. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2015. – Режим доступа: https://evols.library.manoa.hawaii.edu/. – Загл. с экр.
ISBN 978-5-906739-53-7.

Издание посвящено известному китаеведу и писателю Павлу Васильевичу Шкуркину (1868–1943). Окончив Восточный институт во Владивостоке (1903), он занимался изучением Китая, публиковал научные и художественные произведения, занимался преподавательской деятельностью в Харбине. Эмигрировав в США, он продолжил литературную и общественную деятельность.

After graduating from the Oriental Institute in 1903, Pavel Vasil’evich Shkurkin had published many books on the history and ethnography of China and Manchuria. He wrote the introduction to the first edition of Arsen’ev’s Dersu Uzala (1917). He lived and worked In Harbin from the early days of the Chinese Eastern Railway. By the end of 1928 Shkurkin immigrated to America, where he died in Seattle.

УДК 919
ББК 76.1

Научное электронное издание

Хисамутдинов Амир Александрович

Жизнь и приключения синолога П.В. Шкуркина

汉学家П.В. 什库尔金：生活和历险

Монография

Редактор Ч. Э. Монгуш
Компьютерная верстка Ч. Э. Монгуш

Издательство Дальневосточного университета,
690091, г. Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Тел. 8 (423) 254-48-14. E-mail: tvpress@mail.ru

101,2 Мб

ISBN 978-5-906739-53-7

Оглавление

От автора

Всем известна популярная книга В.К. Арсеньева «Дерсу Узала», но мало кто знает, что предисловие к первому изданию - под названием «Необходимое предуведомление» - написал некий П.В. Шкуркин. В более поздних изданиях это предисловие было заменено на известное письмо Алексея Горького. Желание выяснить, кем же был этот человек, и найти какие-то биографические сведения о Шкуркине стало причиной многолетнего поиска, и только случайная встреча в Сан-Франциско с внуком П.В. Шкуркина Владимиром Владимировичем Шкуркиным (Vlad Shkurkin) расставила многие точки. Впервые судьба свела нас в Сан-Франциско в 1992 г., когда он познакомил меня с огромным семейным архивом. И в дальнейшем этот щедрый во всех отношениях человек всегда встречал автора с распростертыми объятиями.

Ил.: В.В. Шкуркин. Фото автора.

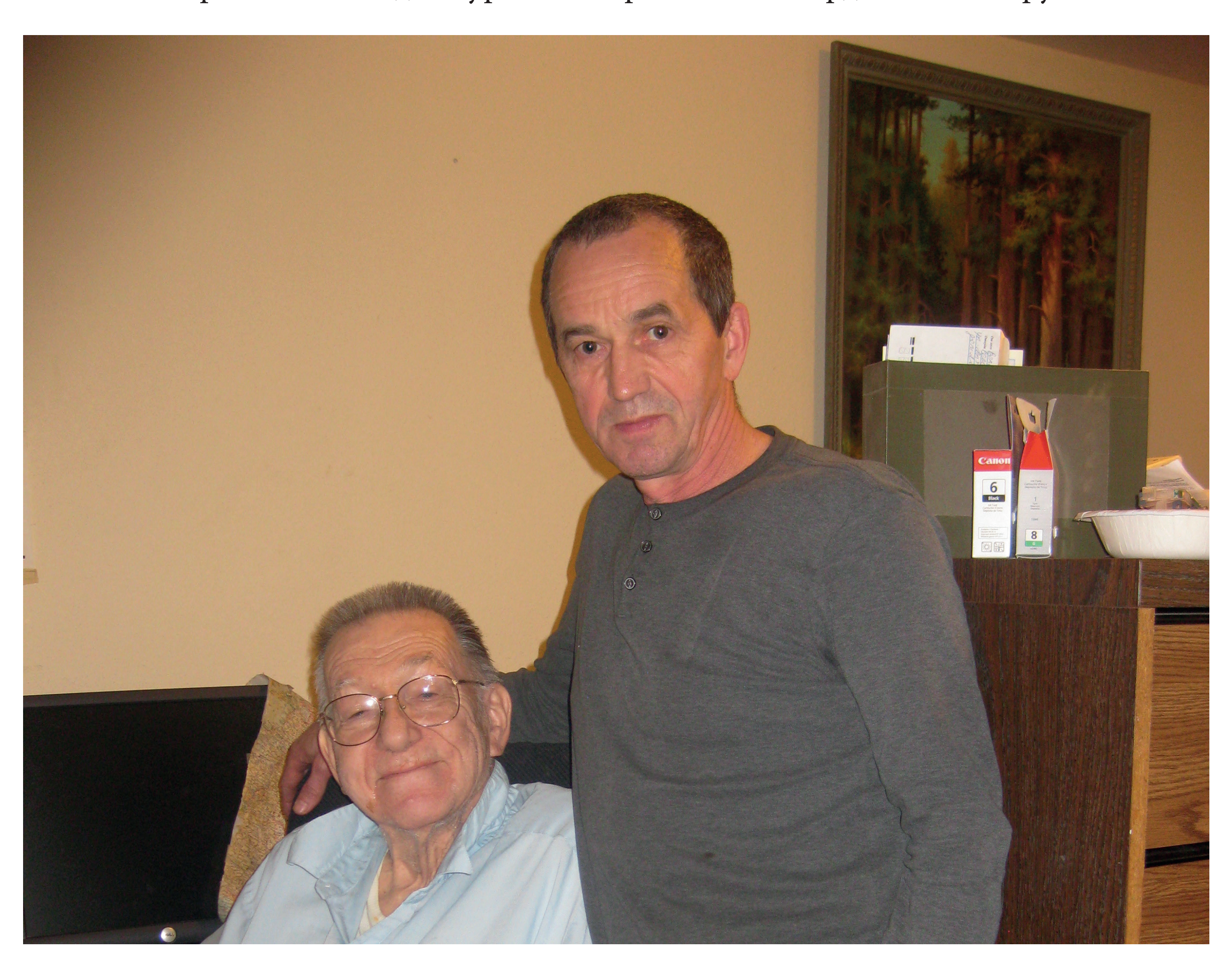
Книги, рукописи, дневники, письма, воспоминания и прочие бумаги были разложены, как казалось, по всему дому В.В. Шкуркина. Незадолго до своей смерти его дед писал: «Отбросим пока всякие сантименты и коснемся одной материальной стороны, вернее – одной части ее: моей библиотеки. Вы, вероятно, знаете, что у меня есть редчайшие книги или даже целые отделы таких книг; для человека знающего, толкового, с мозгами и т.д. – эти книги являются целым сокровищем (не материальным). Но что ожидает эти книги в ближайшем будущем? … мои книги скоро могут сделаться бесхозяйственным имуществом… Имущества не жалко, а книг – жалко до слез и обидно за ту массу труда и забот, которые были положены и вложены в них»[1] . К счастью, вся библиотека и архив П.В. Шкуркина сохранились в целости. Предварительную опись этого собрания сделала профессор О.М. Бакич. «Огромная ценность архива, - отмечает Бакич, - состоит в том, что он соединяет в себе и раскрывает многие стороны русской и китайской истории конца 19-го и первой половины 20-го веков во всей их сложности и взаимосвязанности. В нем отражены прежде всего русско-китайские отношения и жизнь русских и китайцев на Дальнем Востоке и на северо-востоке Китая, в особенности служба и работа русских военных и востоковедов по линии Китайской Восточной железной дороги в Харбине, Гирине и других китайских городах, некоторые стороны восстания Ихэтуаней (известного также как Боксерское восстание), русско-японской войны 1904 - 1905 гг., русской революции и Гражданской войны» [2].

---

1 Цит. по: Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. 2-е изд. San Pablo, CA (США): Изд-во В.В. Шкуркина, 1997 (Май). С. iv.

2 Бакич О. Вступление // Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. 2-е изд. San Pablo, CA (США): Изд-во В.В. Шкуркина, 1997 (Май). С. iv.

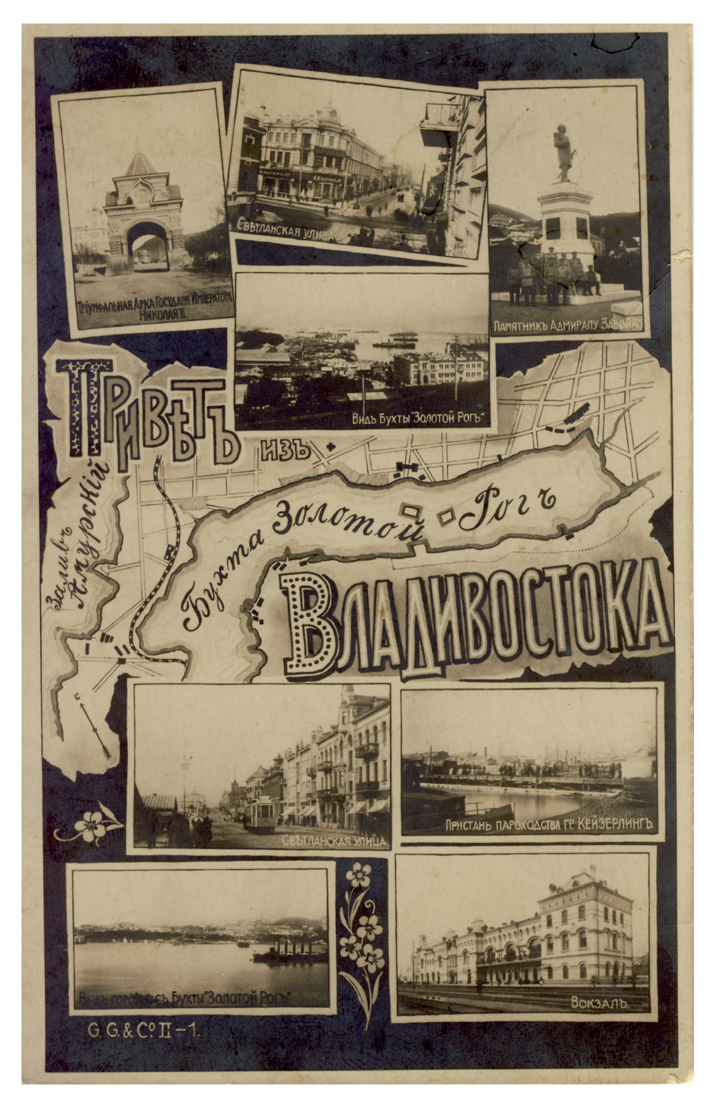
Работа в семейном архиве позволила выяснить многие факты из жизни П.В. Шкуркина. Узнать характер замечательного востоковеда-синолога помогла и рукопись «Прошлое», принадлежащая перу его сына Владимира Павловича Шкуркина, которая также хранится в семейном архиве. Не задавая никаких вопросов, он сделал ксерокопии со всех документов, которые меня заинтересовали. Влад Шкуркин говорит о себе с гордостью: «Я - русский янки!».



Ил.: В.В. Шкуркин и А.А. Хисамутдинов. 2010.

Автор благодарен Владимиру Владимировичу Шкуркину за разрешение поработать в семейном архиве, а также Гавайскому университету и на учным фондам США, предоставившим возможность совершить научные поездки в США в 1992 г. и 2002 г., когда были найдены документы о П.В. Шкуркине.

В настоящем издании использованы иллюстрации из собрания В.В. Шкуркина, ныне хранящиеся в архиве Гуверовского института (США), а также обложки книг П.В. Шкуркина из Русской коллекции Гавайского университета (Гонолулу).



Ил.: Почтовая открытка.

Военная карьера…

Ил.: На обложке автограф: «Дорогому однокласснику А.И. Куприну от автора. 15. 5. 30 г. Сеаттл».

Павел Васильевич Шкуркин родился 3 ноября 1868 г. в семье офицера в городе Лебедине Харьковской губернии[1]. В 1887 г. он окончил 4-й Московский кадетский корпус. Продолжая карьеру своих предков, 20 августа 1887 г. Павел Шкуркин поступил в 3-е Александровское военное училище, которое с блеском окончил в 20 лет (10 августа 1889 г.) В нем, кстати, он учился на класс старше известного русского писателя А.И. Куприна[2].

Казалось, что после окончания училища путь был один - в лейб-гвардию, но подпоручик Шкуркин предпочел отправиться на Дальний Восток. По пути туда морем у молодого офицера появилась шальная мысль отстать в Индии от парохода- «добровольца» и пешком добраться до восточной окраины России. Но потом решение переменилось, и в разгар золотой осени 1889 г. пароход «Петербург» привез Павла Шкуркина во Владивосток, где 8 октября 1889 г. он был зачислен в 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон.

---

1 Российский государственный исторический архив (РГИА ДВ, Владивосток). Ф. 1. Оп. 1. Д.5595 (Полный послужной список помощника Владивостокского полицмейстера коллежского асессора Павла Васильевича Шкуркина). 12 л.

2 Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания библиотеки им. Гамильтон Гавайского университета / Пер. с англ., коммент. А.А.Хисамутдинова). М.: Пашков Дом (Рос. гос. б-ка). С. 179.

Ил.: Владивосток. Конец 19-го века, начало 20-го века.

Ил.: П.В. Шкуркин. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

С первых же дней город у моря очаровал молодого офицера. Здесь же неожиданно для себя подпоручик Шкуркин женился. Как-то раз в Морском собрании один из мичманов обошелся с ним пренебрежительно. Формально придраться было не к чему, и тогда Павел Шкуркин решил в отместку отбить у обидчика девушку. Дело было сделано, да так успешно, что вскоре он повел ее под венец.

С первых же дней город у моря очаровал молодого офицера. Здесь же неожиданно для себя подпоручик Шкуркин женился. Как-то раз в Морском собрании один из мичманов обошелся с ним пренебрежительно. Формально придраться было не к чему, и тогда Павел Шкуркин решил в отместку отбить у обидчика девушку. Дело было сделано, да так успешно, что вскоре он повел ее под венец.

Гарнизонная жизнь вскоре надоела П.В. Шкуркину, и 24 октября 1893 г. он уволился со службы в чине поручика. По личному приглашению губернатора Приморской области П.Ф. Унтербергера он стал приставом Верхне-Уссурийского участка (с 18 мая 1893 г.) В это время он совершил множество поездок вдоль корейской границы, составив несколько карт. Уже тогда он начал собирать образцы устного творчества местного населения. Позднее эти материалы вошли в его книги.

Унтербегер, Павел Федорович (9 авг. 1842 - 12 февр. 1921, замок Ремплин, Германия). Окончил Николаевское инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. Делопроизводитель по строительству Иркутского военного округа. (1864). Совершил экспе-

Июль 1942, Сиэтл, США Павел Васильевич и Елена Васильевна Шкуркины.

диции по Монголии (1871), Китаю и Японии (1875). Участвовал в комиссиях по разграничению земель (1895). Воен. губернатор Приморской обл. (1888-1897). Генерал-губернатор Приамурского края (1906-1910). Неоднократно награждался за свои исследования медалями ИРГО. Именем Унтербергера названа бухта на полуострове Муравьева-Амурского.

Через год (с 20 сентября 1894 г.) П.В. Шкуркина назначили приставом Ольгинского участка, где он в основном занимался уничтожением хунхузов. Мало кому известно, что брат Дерсу Узала Степан был непременным проводником пристава Шкуркина в его рейдах по приморской тайге. В это время Шкуркин не на шутку увлекся изучением жизни китайцев и научился сносно разговаривать на китайском языке.

«Вообще его физическая сила, - вспоминал сын Павла Васильевича, - выносливость и решительность в критические минуты выручали его и даже не раз спасали жизнь. В Ольге он обладал полнотой власти во всех отношениях: был крестьянским начальником, судебным следователем, приставом, лесничим и заведующим морскими промыслами. У него было три канцелярии: по министерству внутренних дел, по министерству юстиции и по мин. земледелия и государственных имуществ. Он первый сделал съемку долины многих рек за 10 лет до прихода туда топографов. Бесконечная цепь приключений выработала своеобразный характер - твердый, неуступчивый, не идущий на компромиссы. В лесу этот характер хорош; но среди людей он создает обладателю его массу врагов и недоброжелателей. Пропутешествовавши неделю-другую, а то и месяц, и вернувшись в Ольгу, - Шкуркин садился за канцелярскую работу; сидел день и ночь, пока всего не кончал. Но свободное время все-таки было; он его употреблял на лопату, топор и лодку. Если же погода не позволяла выйти из дому, что бывало частенько, то Ш-н набрасывался на журналы и научные книги: он тщательно следил за всеми научными новостями. Особенно он увлекался медициной, главным образом вопросами духа, и мечтал поступить в медицинскую академию или в Лесной институт. Но постепенное общение с китайцами и знакомство с их языком открыло перед ним такую глубину своеобразной китайской культуры, что он часто становился в тупик: да полно, выше ли европейская цивилизация, чем восточная...»[1]

Ил.: семья П.В. Шкуркина перед отъездом в США

1 Собр. В.В. Шкуркина (Сан-Пабло, Калифорния, США). Архив П.В. Шкуркина

Жизнь Шкуркина в Ольге складывалась удачно. Здесь родились оба его сына: 6 февраля 1898 - Олег, на следующий год - Володя. За отличие по службе 1 января 1899 г. титулярный советник П.В. Шкуркин был награжден первым орденом - Св. Станислава 3-й степени. А вскоре счастье вновь повернулось лицом к Шкуркину - во Владивостоке открылся Восточный институт, куда он тотчас же решил поступить. Сослуживцы отговаривали его, считая, что это не пойдет на пользу карьеру, но Павел Васильевич остался при своем мнении. 24 августа 1899 г. он написал прошение: «[...] заинтересованный изучением края и культурой инородческого населения - я, насколько позволяла мне обособленная жизнь человека, выброшенного в места, удаленные от жизненных центров, - изучил на практике язык (слабо), обычаи и особенности жизни китайского населения Южно-Уссурийского края, особенно Засучанья, Верхне-Уссурийского и Ольгинского участков. Чувствуя, что без солидного посредства и руководства при изучении жизни и языка инородцев мои знания навсегда останутся недостаточными, я хочу дополнить их в учебном заведении [...]»[1].

1 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д.5595 Л. 2 -3.

По просьбе П.В. Шкуркина 3 ноября 1899 г. он был переведен во Владивосток в штат Приморского областного управления и стал вольнослушателем китайско-маньчжурского отделения Восточного института.

Идея создания во Владивостоке высшего учебного заведения была высказана еще в 1885 г., когда городу исполнялось двадцать пять лет. Именно такой подарок городу хотели тогда преподнести устроители юбилейных торжеств. Это предложение было закреплено в решении городской Думы, но прошло еще целое десятилетие, пока идея начала воплощаться в жизнь благодаря интересам, которые появились у России на Дальнем Востоке. Только что был поднят российский флаг в Порт-Артуре, началось строительство КВЖД, и регион постепенно стал приобретать все большее и большее значение для внешней политики России.

В 1893 г. Министерство народного просвещения подняло вопрос об организации учебного заведения, которое занялось бы подготовкой специалистов для стран Дальнего Востока. Через два года оно вошло с ходатайством в Государственный совет империи о преобразовании Владивостокской мужской гимназии

Ил.: Владивосток. Восточный институт. Светланская ул. Открытка.

в Восточный институт. Пока шла переписка о создании высшего учебного заведения, самого первого на Дальнем Востоке, при гимназии с июля 1895 г. были открыты специальные классы китайского языка. В 1898 г. была образована особая комиссия для выработки устава будущего института.

Все хлопоты по организации Восточного института, строительству здания, формированию учебных программ и приглашению профессорско-преподавательского состава легли на плечи его первого директора доктора монгольской и калмыцкой филологии из С.-Петербурга Алексея Матвеевича Позднеева. Он родился 27 сентября 1851 г. в Орле[1] в семье священника и после окончания Орловской духовной семинарии поступил на факультет восточных языков С.-Петербургского университета. Окончив его в 1876 г., Позднеев был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию и в том же году стал участником экспедиции в Монголию, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. В 1881 г. он защитил диссертацию «Образцы народной поэзии монгольских племен» на степень магистра монгольской словесности и был утвержден штатным доцентом по кафедре монгольской и колмыцкой словесности С.-Петербургского университета. Через два года у Позднеева была готова новая диссертация на тему «Монгольская летопись Эрдэнийн-эрихэ, с пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 годы», за которую он получил степень доктора монгольской словесности.

Деятельность Позднеева в Петербурге была обширной и многогранной. С 1881 г. востоковед редактировал издания Великобританского иностранного библейского общества (Лондон) на монгольском, китайском и маньчжурском языках. С 1884 г. он состоял ординарным профессором монгольской словесности в С.-Петербургском университете, начав в 1889 г. преподавать там и маньчжурский язык. Он первым открыл в России курс чтений по истории литературы монгольских наречий и ввел в преподавание чтение официальных бумаг, написанных по-монгольски.

Большое кирпичное трехэтажное здание Восточного института построили на склоне горы. Простое, без всяких архитектурных излишеств, оно не производило в те годы благоприятного впечатления. Фасадом здание выходило не на главную улицу города, Светлан¬скую, а на пустынную Пушкинскую. В нем, кроме института, размещалась также восьмиклассная классическая мужская гимназия, у которой имелся отдельный вход.

Входная дверь с улицы Пушкинской вела в просторный вестибюль Восточного института. Слева от входа располагались институтская канцеля-рия, профессорская комната и квартира директора. Левая часть вести¬бюля была отгорожена деревянной стенкой: за ней располагалась комната для офицеров-слушателей института. Из вестибюля имелся внутренний

Ил.: А.М. Позднеев. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

вход в библиотеку и квартиру инспектора. Неподалеку от входа на стене вестибюля вывешивались объявления администрации, расписание лекций и экзаменов, а около другой стены стоял шкафчик с ячейками, где в алфавитном порядке раскладывалась почтовая корреспонденция, поступавшая в адрес студентов. Небольшая комната под лестницей была отведена швейцару.

Лестница справа от входной двери вела на площадку второго этажа, откуда через дверь студенты попадали в неширокий длинный зал, служивший местом отдыха студентов во время перемен между лекциями. Там стояли шкаф с книгами студенческой библиотеки и два стола для чтения газет. Другая дверь из зала выходила в коридор, по обеим сторонам которого размещались аудитории. Из окна в конце коридора можно было наблюдать Светланскую улицу и бухту Золотой Рог. Рядом с окном имелась уборная. На третьем этаже здания находились актовый зал и домовая церковь.

Аудитории Восточного института были небольшими, темноватыми, безо всяких украшений, с самыми простыми партами. Позже на стенах появились китайские картины с изречениями китайских мудрецов, что несколько добавило уюта. Самую большую аудиторию выделили первому курсу. Это была единственная в здании светлая комната с двумя рядами окон, из которых открывался красивый вид на бухту и город. В аудитории, где чаще всего занимались студенты второго курса китайско-маньчжурского отделения, кроме парт стояли еще шкафы с экспонатами для торгово-промышленного музея, который собирались открыть в институте. Среди экспонатов преоб-

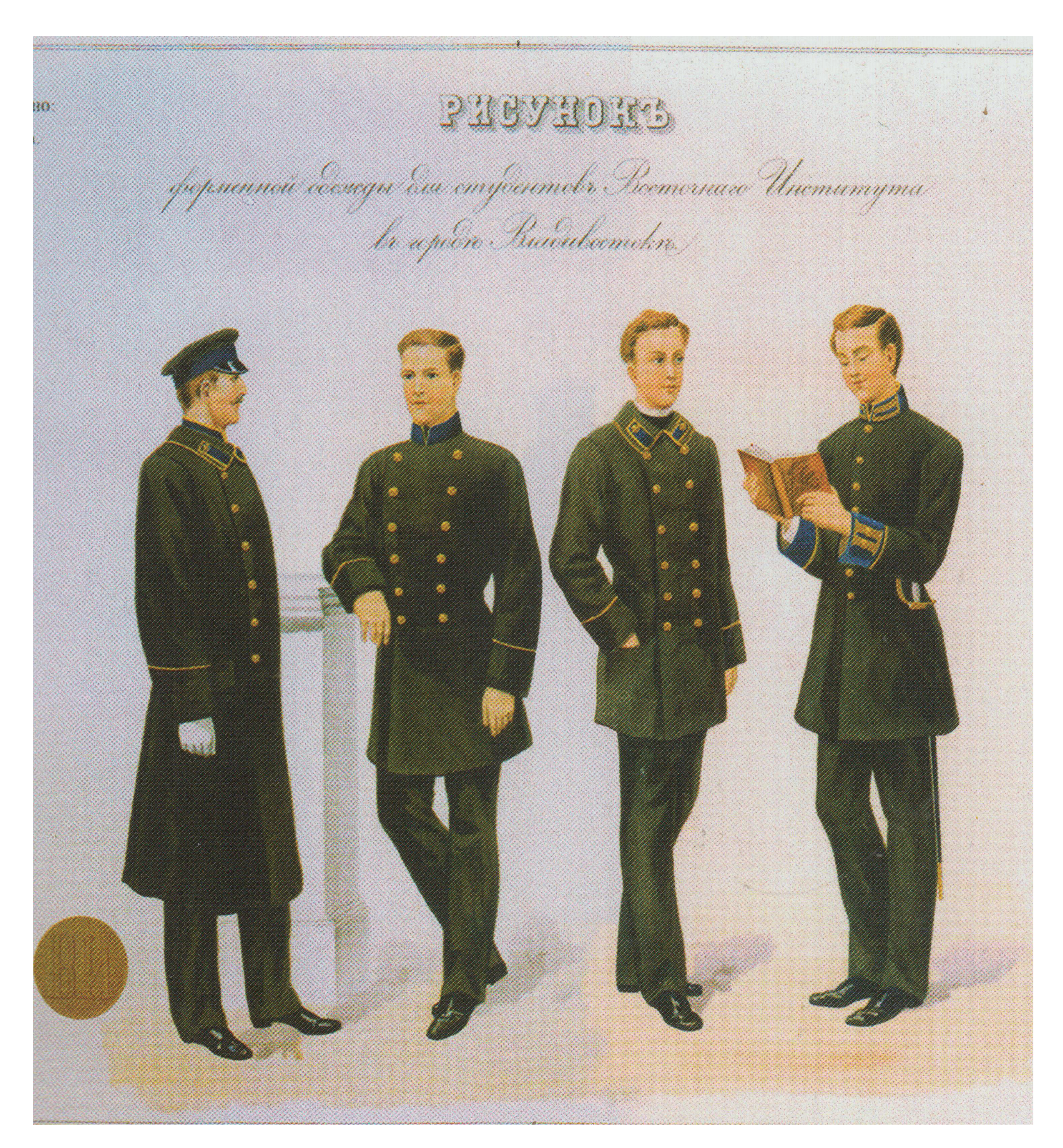
1 АПОИВ. Ф. 44. Оп. 3. Д. 6. 18 л.; Позднеев А.М. // Сов. ист. энцикл. Т. 11. М., 1968. Стб. 248; Позднеев А.М. // БСЭ. Т. 20. С. 165; Саран А.Ю. Уроженцы Орла востоковеды братья Позднеевы // Общее и особенное в истории и культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1991. С. 92–102 и др.

ладали образцы произведений шелководства и других специфических товаров дальневосточных стран.

21 октября (по старому стилю) 1899 г. Восточный институт был торжественно открыт генерал-губернатором Приамурского края Н.И. Гродековым. На церемонии открытия присутствовал окружной инспектор училищ Приамурского края В.П. Маргаритов. В своей речи он кратко описал положение с изучением восточных языков в России. «События последних лет, – говорил известный краевед, – снова дали толчок к более близкому и всестороннему сближению русских с коренными народностями Дальнего Востока и в то же время передвинули централизацию восточного языковедения на нашу окраину, стоящую лицом к лицу со всем старым и новым светом и служащую авангардом русского могущества на Востоке. Еще десять лет тому назад Морское ведомство поднимало вопрос о необходимости учреждения во Владивостоке такого учебного заведения с курсом восточных языков, которое удовлетворяло бы более рациональному сношению русского флота с народами великого океана. Затронутый тогда вопрос этот вскоре был перенесен на страницы нашей местной прессы и в лице редактора «Дальнего Востока» (В.А. Панова – А.Х.), неоднократно разбирался со всею его полнотою в издаваемой им газете.

Ил.: Восточный институт. Владивосток.

Ил.: Владивосток. Восточный институт. Почтовая открытка. Издание магазина «Открытка». Частная коллекция



Ил.: Форменная одежда студентов Восточного института. Из.: 110 лет Восточному институту во Владивостоке: Фотоальбом. Владивосток: Изд. ДВГТУ, 2009. Б.с.

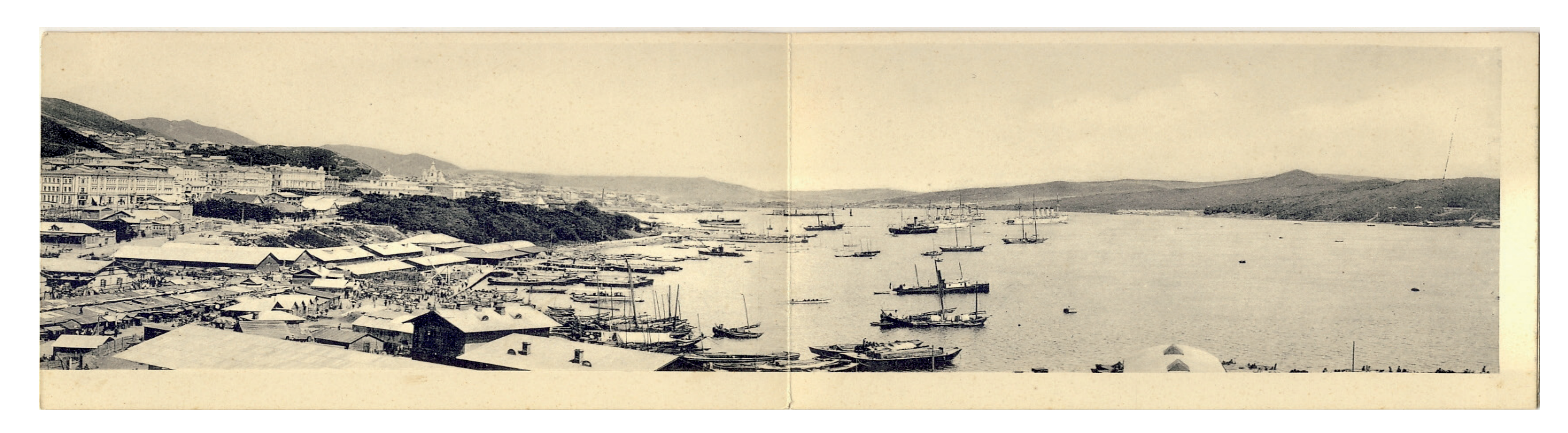
К тому времени относится и начало учреждения курсов китайского языка, открываемых по почину частных лиц и с большою поддержкою от правительства в населенных пунктах нашей окраины. Хотя курсы эти и носили характер периодический и временный, тем не менее, нельзя не упомянуть, что в них пользовались изучением китайского языка около 80 лиц всех ведомств и состояний, и что руководители их, местные китаеведы Михайловский и Добровидов, заслуживают в этом отношении должного внимания. Курсы эти открывались в Хабаровске, Владивостоке, Барабаше и Новокиевске»[1] .

В Положении об открытии Восточного института подчеркивалось, что это «высшее учебное заведение, имеющее целью подготовлять учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях восточно-азиатской России и прилегающих государств»[2] . Действительно, очень скоро новый институт стал лучшей в России школой практического востоковедения.

Четырехлетний курс обучения велся на четырех отделениях Восточного института: китайско-японском, китайско-корейским, китайско-монгольском и китайско-маньчжурском. Общим для всех студентов было обязательное изучение китайского и английского языков.

1 Основание Восточного института в г. Владивостоке и торжественный акт его открытия // ИВИ. 1900. Т. 1. С. 19 – 20.

2 Положение о Восточном институте // ИВИ. 1900. Т. 1. С. 81.



Ил.: Владивосток. Панорамный снимок магазина Г.А. Цорна. Открытка.

Ил.: Владивосток. Пушкинская ул.

Вскоре при институте были организованы и вечерние курсы по изучению языков сопредельных государств, на которых велись занятия по институтским программам для всех желающих.

А.М. Позднеев хотел, как можно плотнее приблизить учебную программу института к реальным задачам, с которыми выпускники столкнутся в жизни. Он любил повторять, что не нужна наука для науки, а требуется наука для практики. «Мы твердо веруем, – отмечал директор, – что минуют годы, и практическое изучение Востока, равно как и практическая наука вообще, разовьется у нас так широко и достигнет того же совершенства, в каком видим мы теперь отвлеченную науку; что эти практические науки и знания в самом непродолжительном времени выработают свои особенные приемы исследования и не только станут доставлять новые достоверные материалы науке отвлеченной, но и сами заменят передачу своих, поначалу безотчетных сведений, присоединением к ним собственных строго обдуманных выводов и соображений; словом, будут создавать свои новые научные положения, а за сим и будут признаны столь же важными и способными к развитию человеческого ума. Это совершится вполне естественно. Коль скоро увеличится число деятелей, увеличится в соответственной степени и деятельность, и, конечно, она увеличится не только количественно, но, наряду с сим, будет развиваться и совершенствоваться качественно. В настоящую пору мы переживаем знаменательнейший в нашей общественной жизни момент, когда Россия только что принимается за труднейшую задачу – кооперацию своего народного гения с формами производительного труда»[3] .

Становление Восточного института было молниеносным благодаря опыту А.М. Позднеева. Будучи ординарным профессором С.-Петербургского университета, он смог увлечь идеей создания нового учебного заведения наиболее перспективных вы-

3 Основание Восточного института в г. Владивостоке и торжественный акт его открытия // ИВИ. 1900. Т. 1. С. 76–77.

пускников столичного университета. Став молодыми профессорами Восточного института, они сразу же принялись за составление программ, ведь таким специальностям, как корееведение и японоведение, раньше нигде в России не учили. Совершенно новым для России было и практическое направление в преподавании восточных языков. Коренным образом приходилось менять планы: от чего-то отказываться, а что-то привносить свое. Одним из недостатков в организации работы Восточного института было то, что на немногочисленную профессуру возлагалось множество обязанностей. Число кафедр было вдвое меньше, чем требовалось, и приходилось совмещать преподавание разных специальностей. Огромным упущением было отсутствие кафедры сравнительного языкознания или лингвистики, а некоторые традиционные предметы, такие, например, как богословие или счетоводство, наоборот, отнимали у студентов много времени.

Хотя в научной литературе отмечается, что Восточный институт сумел стать центром практического востоковедения, вклад его профессоров и студентов в теорию и методику преподавания языков до сих пор остается не признанным в полной мере. Между тем можно говорить об отсутствии косности и каких-либо непреложных авторитетов в истории становления дальневосточной школы востоковедения, которая стояла близко не только территориально, но и духовно к изучаемым народам.

Так как новый институт не считался привилегированным учебным заведением, отпрыски состоятельных родителей в него не особенно стремились. В институт поступали в основном выпускники семинарий или реальных училищ. Чтобы создать стимул для овладения труднейшей наукой и улучшить материальное положение студентов, были введены именные стипендии. 15 июня 1901 г. было назначено шесть стипендий имени генерала от инфантерии Н.И. Гродекова, деньги для которых были собраны во Владивостоке по подписке. Кроме того, по предложению Н.Л. Гондатти, за исследования в вопросах востоковедения, входящих в институтский курс, в Восточном институте были учреждены одна золотая и две серебряные медали имени генерал-лейтенанта Н.М. Чичагова. Деньги на них также были собраны владивостокцами.

Ил.: Китайцы на Светланской ул. Почтовая открытка. Частная коллекция.

П.П. Шмидт. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

Запомнился П.В. Шкуркину и профессор Петр Петрович Шмидт, в дальнейшем ставшему выдающимся китаеведом и лингвистом.

Петр Шмидт (Петерис Шмитс) родился 25 декабря 1869 г. в Латвии и до поступления в С.-Петербургский университет учился в Москве и Риге. Вероятно, уже в юности он проявил способности к языкам, потому что для продолжения учебы выбрал восточный факультет, который закончил, как и Рудаков, в 1896 г. с дипломом первой степени. Как и тот, он охотно принял предложение своего учителя поехать во Владивосток, но прежде чем приступить к работе решил позаниматься в Китае, чтобы пополнить знания в китайском языке. В 1896–1899 гг. Шмидт состоял в должности профессора русского языка («professeur de la langue russe») в Пекинском университете, открытом незадолго до этого. Молодой профессор обладал наблюдательностью и способности живо описывать свои впечатления и очень скоро стал посылать в российские периодические издания заметки о жизни в Китае, в которых не только рассказывал об особенностях этой страны, но и рассуждал о ее будущем. Шмидт очень понравился руководителям университета: ему предложили остаться в Пекине, возместив все расходы по стажировке [1], но он предпочел вернуться в Восточный институт, где постепенно налаживался учебный процесс. Для практических занятий со студентами Рудаков и Шмидт предложили использовать образованных китайцев. Выслушав их доводы,

1 История отечественного востоковедения с середины XIX до 1917 года. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. С. 66.

Ил.: Владивосток. Восточный институт. Пушкинская ул. Открытка.

А.М. Позднеев согласился с тем, «чтобы лекции по китайскому языку читались не иначе, как совместно профессором и лектором; причем профессор уяснил бы теоретическое правило, а лектор говорил пример и произносил его по несколько раз с отдельными студентами, пока каждый из них не усвоит себе более или менее правильной интонации, или произношения»[2] . Уже в 1899 г. по приглашению Шмидта в институте стал преподавать секретарь Дайцинского коммерческого агента во Владивостоке Ли.

На далекой российской окраине было нелегко приобрести нужные книги, и студенты Восточного института испытывали в то время большой недостаток учебных пособий. Директор Позднеев хорошо понимал, какую большую роль в работе высшего учебного заведения играет библиотека, и хотел, чтобы каждый преподаватель составлял и описывал книжную коллекцию по своей специальности. Эти усилия увенчались успехом: в течение одного года библиотека Восточного института выросла до 15 тыс. томов, а первым библиотекарем стал П.П. Шмидт, чьи педантичность и выдающиеся лингвистические способности как нельзя лучше подходили к этой должности. Шмидт всячески старался приохотить к книгам своих студентов, что ему вполне удавалось благодаря авторитету, которым он у них пользовался. В то время и Шмидт прилагал немало усилий для пополнения институтской библиотеки. Был он и одним из первых преподавателей, кто издал в виде учебников свои лекции. Стремился он рассказать об интересных находках, сделанных им в Китае, и другим востоковедам. Не забывал он и о своем увлечении лингвистикой, опубликовав ряд интересных работ.

Несмотря на большую загруженность, связанную с преподаванием и заботами о библиотеке, Петр Петрович усиленно работал над своей первой диссертацией «Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений» на степень магистра китайской и маньчжурской словесности. 28 октября 1902 г. он успешно защитил эту работу.

Вот какое впечатление осталось от занятий с П.П. Шмидтом у студента И.Г. Баранова, учившегося в Восточном институте в 1907–1911 гг.: «С профессором Шмидтом на втором курсе мы приступили к чтению китайской повести “Судьба Фан-Дэ” (П. Шмидт. Судьба Фан Дэ. Повесть из сборника Цзинь-гу ци-гуань. Часть I. Оригинальный текст и перевод его на разговорный язык. Владивосток, типолитография Восточного института, 1909. Отдельный оттиск из 4-го выпуска 29-го тома Известий Восточного института). В этом издании текст напечатан параллельно на литературном и разговорном языках пекинского наречия. Русского перевода, словаря и грамматических пояснений к этой повести в напечатанном виде не было дано. Читали текст все учащиеся по очереди, каждый фразу за фразой. Во время чтения профессор постоянно проводил сравнение литературного и разговорного языков. Опять требовалось от студентов заранее самим кропотливо подыскивать по словарям и выписывать незнакомые иероглифы. Эта трудоемкая работа часто выполнялась одним студентом, Соборницким, у которого и можно было потом заимствовать нужный словарный материал, т.е., попросту говоря, списывать его в свою тетрадь. На старших курсах по разговорному языку мы прочли еще книжку “Гуань-хуа чжи-нань”, “Руководство к изучению мандаринского наречия”.

…..

Маньчжурский язык со второго курса мы также изучали под руководством профессора Шмидта. Пособиями служили грамматика маньчжурского языка Ивана Захарова и его же Полный маньчжурско-русский словарь. Начальным текстом для чтения, перевода и грамматического разбора служил учебник маньчжурского языка (части 1-я и 2-я), составленный профессором Шмидтом. Первая часть – маньчжурский текст, 2-а часть – соответствующий ему китайский текст. Напечатаны обе части по определению Конференции Восточного института в типолитографии при Восточном институте (Владивосток, 1907, 1908 гг.). Как маньчжурский, так и китайский тексты выполнены четко, на хорошей бумаге. Это одно из доказательств хорошего оборудования типолитографии института. Здесь кстати можно припомнить рассказ П.П. Шмидта про набор маньчжурского текста.

Был момент, когда типография нуждалась в наборщике, который мог бы набирать маньчжурский текст. На эту работу выискался и напросился некий японец. Он действовал, возможно, по рекомендации японских лекторов. Перед работой его спросили: знает ли он маньчжурский язык? Он ответил, что нет,

2 Обозрение преподавания по кафедре китайской словесности на 1899–1900 год, составленное и.д. профессора П.П. Шмидтом // ИВИ. 1900. Т. 1. С. XXVIII.

Ил.: Китайские преподаватели П.В. Шкуркина. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

но что сможет подучиться и делать набор по-маньчжурски. Его допустили в типографию. Но оказалось, что он слишком быстро освоил чтение маньчжурских текстов и печатание их. По всем признакам, он раньше знал маньчжурский язык. Заподозрили неладное. Потом появились догадки, что этот наборщик на самом деле агент, может быть, даже переодетый в штатское японский офицер, который захотел проникнуть в типографию, ознакомиться с ней, узнать, как она работает, что печатает и какие у нее есть шрифты. В ней печатались ведь и издания с японским текстом. С таким "наборщиком" пришлось расстаться.

На лекциях по маньчжурскому языку профессор Шмидт касался не только одного языка, но и народа этого языка. Он считал, что маньчжурский народ принадлежит к турецко-тунгусско-монгольской семье. Маньчжуры не интересовались правильным развитием своего языка. Они интересовались китайской литературой. Оригинальной маньчжурской литературы почти не сохранилось. Ученые комиссии делали переводы китайской литературы на маньчжурский язык. Так называемые "культурные" слова маньчжуры заимствовали у китайцев. Где жили турецко-монголо-маньчжурские племена? Вероятно, у Алтая. В Маньчжурии и Забайкалье сохранились маньчжурские географические названия. Селенга – название реки. Селе – по-маньчжурски – железо. Селенгэ – железная река. Русские переменили окончание этого слова "э" на "а". Хинган – Холодное место. Сунгари ула – Молочная (Белая) река. Сахалян ула – Черная река (Амур, по-китайски: Хэй-лун цзян – Река Черного дракона), Харбин – Переправа (через реку). Аналоги в европейских языках: Оксфорд – Бычья переправа, Франкфурт. Таковы некоторые выдержки из моих студенческих записок лекций проф. Шмидта.

В дальнейшем мы читали и переводили тоже с профессором Шмидтом описание взятия китайцами русской крепости Албазин. Текст только маньчжурский, без китайского перевода и русского подстрочника. Маньчжурский язык казался нам, студентам, гораздо легче для изучения, чем китайский язык.

Лектором-маньчжуром при профессоре Шмидте состоял маньчжур Дэсингэ из Мэргэня. Будто бы, как ходили разговоры среди студентов, он придумал, нацепив на себя полицейскую шашку и выдавая себя за "начальника", ходить ночами по опиумным притонам Владивостока. Здесь он собирал взятки с китайцев за "разрешение курить опий". Такие проделки привели к его увольнению из Восточного института, и он отбыл восвояси»[3] .

Много сил Шмидт отдавал организации обучения в Восточном институте, совершенствованию учебного процесса, отработке учебных планов и программ. Когда в институте встал вопрос о закрытии кафедры маньчжурского языка, он говорил: «Защищать при таких условиях именно практическое значение маньчжурской кафедры я, со своей стороны, не нахожу возможным. Но этим я вовсе не хочу отрицать научного значения маньчжурского языка как самого по себе, так и при изучении китайской словесности, так как многие важнейшие книги китайской литературы переведены на маньчжурский язык»[4] . Известно, что П.П. Шмидт стоял за изучение студентами одновременно двух языков. К сожалению, в дальнейшем от этого отказались.

---

3 Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте, 1907–1911 гг. (из личных воспоминаний). (АПОИВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 83. Б.л.).
4 РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 471. Л. 6.

Ил.: Н.В. Кюнер (слева внизу) с китайскими коллегами из Восточного института. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

Многому Павел Шкуркин научился и профессора Николая Васильевича Кюнера. Он родился 14 сентября 1877 г. в Тифлисе в семье музыканта, занявшего вскоре должность капельмейстера в Мариинском театре С.-Петербурга. В 1896 г., закончив с золотой медалью гимназию, юноша поступил на факультет восточных языков С.-Петербургского университета, где изучал китайский, маньчжурский, монгольский и японский языки. Первые два года учебы он занимался под непосредственным руководством Позднеева и летом 1897 г. совершил поездку со своим учителем в калмыцкие степи Астраханской губернии. С третьего курса, уже под руководством профессора Н.И. Веселовского, Кюнер изучал историю и географию Восточной Азии и обратил на себя внимание преподавателей как весьма способный исследователь. Веселовский писал 3 марта 1900 г.: «Такие работники, как Кюнер, появляются у нас не часто, и далеко не все выбирают ученую карьеру, поэтому следует, мне кажется, приять меры, чтобы этот молодой человек вышел на тот путь, к которому он, по-видимому, чувствует склонность и призвание. Все ручается за то, что в лице Кюнера востоковедение должно приобрести в высшей степени полезного деятеля»[1] . Последующие годы только подтвердили справедливость этих слов.

8 февраля 1900 г. Совет С.-Петербургского университета наградил выпускника золотой медалью за работу «Историко-географическое описание Японии». Понимая, что блестящие теоретические знания не могут заменить практического изучения стран Дальнего Востока, 1 июля 1900 г. по предложению А.М. Позднеева Кюнер отправился в командировку в Китай, Корею и Японию сроком на один год. Позднее Позднеев оценил результаты этой поездки следующим образом: «Из представлявшихся мне в разное время отчетов Кюнера явствует, что, проживая в Японии, Кюнер составил довольно подробный географический очерк этой страны, изучив ее положение, строение берегов, острова, устройство поверхности, речные системы, климат, животные и растительные царства и проч., но особенное богатство данных и материалов, по-видимому, собрано им для описания провинций и городов, причем преимущественное внимание было обращено на торговлю, промышленность, пути сообщения и произведения страны. По части истории Кюнер разработал, главным образом, много отдельных, наиболее интересных эпизодов из жизни Японии, причем из писем и отчетов его явствует, что он занимался тем или другим вопросом не в известной последовательности (хотя бы в хронологической), а по мере того, как возникали эти вопросы при общем ходе его занятий. Такой способ, конечно, нужно признать и самым основательным при изучении предмета по предлежащим памятникам в самой стране. Что до состава исторических изысканий Кюнера, то он, несомненно, с особой старательностью и вниманием останавливался на политической и финансовой истории Японии, и притом преимущественно за последнее время; по этому отделу знаний им собрано материалов едва ли не более чем по всякому иному вопросу, касающемуся страны»[2] . Приехав в Китай, Кюнер провел первые месяцы в Шанхае – он

1 АПОИВ. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13 Л. 3.

2 Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 28 января 1902 г. // ИВИ. 1902. Т. III, вып. V. С. 176–177.

знал, что в этом городе сосредоточено наибольшее количество печатных и рукописных материалов, когда-либо собранных европейскими исследованиями древней страны. Китайское отделение Королевского Азиатского Общества (Royal Asiatic Society) пригласило русского исследователя вступить в эту уважаемую организацию, что открыло перед ним двери богатейшей шанхайской библиотеки. Получив возможность разобраться со многим малоразработанными в России вопросам, Кюнер не ограничился только лишь европейскими исследованиями. В изучении истории Маньчжурии ему помогли материалы из мукденских архивов и книгохранилищ, разработкой которых занималась в то время экспедиция профессора А.В. Рудакова. Обнаруженные книги и рукописи стали для Кюнера самыми основательными источниками исторических сведений.

Под руководством местных знатоков китайского языка (сян-шэнов) Кюнер занялся переводом одного из последних китайских трудов по новейшей истории Китая, который привлек его тем, что был составлен весьма толково, осмысленно, отчетливо и в то же время кратко. Тот материал, что уже накопился у исследователя, позволил ему дать комментарии и дополнения к китайскому тексту. В дальнейшем этот перевод лег в основу будущего курса, разработанного Кюнером. Пребывание в Китае позволило ему и усовершенствовать знания китайского языка.

В 1902 г. Н.В. Кюнера назначили на должность профессора Восточного института. Кроме того, воз-

Ил.: Н.В. Кюнер во Владивостоке. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

Ил.: Владивосток. Светланская ул. Открытка.

главив кафедру историко-географических наук, он первым в России начал читать систематические курсы истории Китая, китайской культуры, географии и этнографии стран Дальнего Востока, истории народов Центральной и Восточной Азии. Магистерскую диссертацию по истории Тибета ученый защитил в С.-Петербурге в 1909 г.

Ученик Кюнера И.Г. Баранов вспоминал: «Лекции Николая Васильевича Кюнера по всем его предметам пользовались популярностью. Тогда он еще не страдал глухотой, которая стала замечаться у него впоследствии. Он выглядел совсем молодым, энергичным. На лекции приходил одетым в форменный сюртук. На кафедру не садился, читал свой курс стоя, оживленно, изредка заглядывая в свои записи. Студенты знали, что этот профессор-труженик науки предан своему делу, знали расписание его будничного дня: лекции, послеобеденная прогулка с супругой по Светланской, вечером подготовка к лекциям, просмотр русской и иностранной периодики о Востоке и вырезки из нее, подбор литературных материалов для пособий студентам, чтение русских и иностранных авторов-востоковедов. Работы всегда хватало у этого трудолюбивого ученого, который старался не отставать от века и не упускать из внимания все новое, даже мелочи, в востоковедении. Недаром же в заявлении студентов института, ранее моего поступления в институт, которое содержало в себе довольно резкую критику преподавательско-профессорского персонала, отмечалось, что молодой еще Н.В. Кюнер обладает задатками настоящего ученого» [3].

3 Баранов И.Г. Указ соч.

Ил.: Е.Г. Спальвин с первой женой (скончалась в 1920). Фотография Т. Мори (Владивосток). Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

«Благодарность ученика, имевшего счастье сидеть у ног великих учителей и слушать их слова и наставления»

Хотя для первого курса и не были обязательными занятия по японскому языку, но рекомендовалось их посещать. Одним из ближайших помощников А.М. Позднеева в трудном деле становления востоковедческой науки стал японовед Е.Г. Спальвин. Впервые с лекцией по японоведению он выступил перед студентами Восточного института 2 сентября 1900 г. «На мою долю, – говорил тогда молодой исследователь, – выпало открыть первый в России курс лекций по японской словесности. Вполне сознавая огромную трудность и ответственность возложенной на меня задачи, я приступаю к выполнению ее полным душевного волнения. Волнуют меня три чувства: и робость, и гордость, и благодарность. Робость начинающего, делающего первые шаги, – дай Бог, чтобы они были твердыми! Гордость сознания величины своей задачи и своих молодых сил к исполнению ее, – Бог даст, и сила превратится в дело! Благодарность ученика, имевшего счастье сидеть у ног великих учителей и слушать их слова и наставления, – да примут ее в этот знаменательный для меня час и те, которых уже нет в живых, и те, которые далеко в Петербурге и не могут присутствовать здесь, и тот, наконец, который стоит во главе этого благородного учреждения, принадлежность к составу которого составляет мне честь и славу» [1] .

Это были не пустые слова. Не только Спальвин, все молодые профессора Восточного института осознавали важность дела, которое они начинали: быть основателями высшей школы на далекой российской окраине, передавать знания тем, от кого зависит будущее этого региона. Многие передовые деятели России воспринимали первый набор в Восточный институт как шаг к формированию собственной дальневосточной интеллигенции. До сих пор мало кто из образованных людей задерживался на Дальнем Востоке надолго, восточники же осознанно выбирали жизнь и работу в регионе, и задачей профессоров было укрепить их в необходимости и верности этого решения.

Евгений Генрихович (Феликс Евгений Леопольд) Спальвин родился в 1872 г. около Риги. Во время учебы на факультете восточных языков С.-Петербургского университета он изучал китайский, монгольский, маньчжурский, корейский и японский языки, последний – в виде факультатива. Вероятно, главной причиной его отъезда из Санкт-Петербурга на далекую окраину России была близость Владивостока с Японией, которую

1 Спальвин Е. Очерк основ языка и письменности японцев: Вступит. лекция, произнес. в Вост. ин-те 2 сент. 1900. Владивосток: Паровая типолитогр. Т-ва Сущинский и К., 1900. С. 1.

Ил.: Е.Г. Спальвин. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

начинающий исследователь хотел узнать, как можно лучше.

В 1898 г., до начала преподавания, Спальвин отправился в научную командировку в Японию для совершенствования знаний по японскому языку. Вот как описывалось пребывание там первого российского японоведа: «... Е.Г. немедленно по прибытии в Токио приступил к изучению сначала разговорного, а потом и книжного японского языка и ознакомился со всевозможными слогами письменности: историческим, официальным, коммерческим, газетным, беллетристическим, со слогом рассказчиков, писем, телеграмм и проч. Тщательно проштудировав лучшие европейские пособия по изучению японского языка, он выработал еще и собственный взгляд на японскую грамматику и подготовил систематические курсы к ее познанию. Так как при изучении японского, собственно книжного языка, представляется делом чрезвычайной важности знание усвоенных японцами чтений китайских иероглифов, то Спальвин собрал богатейшие материалы по этому вопросу и подготовил словарь в 9000 иероглифов с показанием массы их различных, но постоянных сочетаний. Далее он собрал народные предания и рассказы, а изучая быт японцев, особенно усердно следил за текущей японской жизнью и собрал массу материалов для ее выяснения, каковы: официальные документы, коммерческие публикации, письма и другие бумаги, имеющие несомненное значение как в бытовом отношении, так равно для грамматики, стилистики и диалектики японского языка»[2].

23 августа 1900 г. Спальвина зачислили в состав преподавателей Восточного института, а в сентябре он уже читал студентам лекции. Самая первая была в том же году опубликована в «Известиях Восточного института» под названием «Очерк основ языка и письменности японцев».

По ходу создания института японоведу пришлось не только совершенствовать свои знания, но и приступить к формированию собственных учебных программ.

Прекрасная библиотечная коллекция росла так быстро, что заполнила все помещения: «Библиотека института, беспрерывно расширяющаяся, давно уже стеснена в помещении до невозможности почти работать. Драгоценный китайский архив по-прежнему хранится в одной подвальной комнате, приспособлен-

2 Таберио Н.П. Записка о состоянии Восточного института за 1899–1900 академический год // ИВИ. 1901. Т. 2, вып. 2. С. 92.

Ил.: Г.В. Подставин. 1905. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

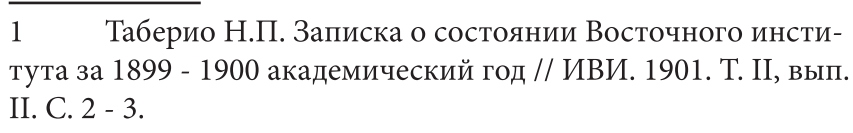
Корейский язык не был популярным среди студентов-китаеведов. Жадный до новых сведений П.В. Шкуркин использовал шанс посещать лекции Григория Владимировича Подставина. Он родился в Рыбинске в 1875 г. Окончив С.-Петербургский университет в 1898 г., на следующий год юноша выдержал магистерские экзамены по монгольской словесности[1] . Способного студента оставляли в университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре монгольского языка, но жажда получить новые знания заставила его выбрать другое поле деятельности: в октябре 1899 г. по предложению А.М. Позднеева он отправился в Корею. Своим местожительством начинающий востоковед избрал Сеул, центр политической и интеллектуальной жизни Кореи. «Здесь он собрал многочисленные материалы по корейской литературе и, штудируя их частью при пособии предшествовавших ему европейских кореелогов, а еще больше под руководством образованнейших из туземцев, выработал себе и гораздо более совершенную систему для изучения корейского языка. Особенное значение филологических изысканий Подставина состоит в том, что он первый обратил внимание на исследование наречий и занимался исследованием живой корейской речи как чисто народной, так и характеризующей интеллигентный класс корейского общества (ямбаньский)» [2].

Политическое положение Кореи было в то время очень сложным: Япония уже вовсю хозяйничала там, готовясь аннексировать страну. Профессор Подставин, тепло относившийся к корейскому народу, тяжело переживал это обстоятельство. Немало огорчений доставляли ему и сложности в поисках студентов: изучение корейского языка многим казалось бесперспективным, и большинство абитуриентов Восточного института записывались на китайско-маньчжурское отделение, где основное место занимал китайский язык. В дальнейшем П.В. Шкуркин увлекся изучением корейского фольклора.

Ил.: Г.Ц. Цыбиков. Из.: 110 лет Восточному институту во Владивостоке: Фотоальбом. Владивосток: Изд. ДВГТУ, 2009. Б.с.

Обязательными для студентов-китаистов были лекции по монгольскому языку. Еще в С.-Петербургском университете А.М. Позднеев обратил внимание на студента-бурята Ганбочжаба Цыбикова, родом из улуса Урдо-Ага (ныне поселок Агинское Бурятского автономного округа) (родился 20 апреля 1873 г.). Научными исследованиями этот студент стал заниматься рано, приняв участие в большой научной экспедиционной работе по исследованию землевладения и землепользования в Забайкальской области (в так называемой комиссии сенатора А.Н. Куломзина). В 15-м выпуске Материалов этой комиссии (С.-Петербург, 1898) была издана работа Цыбикова «Подати и повинности». Готовя ее, молодой автор видел свою задачу в том, чтобы «дать близкое к действительности представление о тяжести податей и повинностей, лежащих на сельском населении Забайкальской области» (от составителя). Уже в этой ранней работе Цыбикова проявилось его живое сочувствие к положению обездоленных народных масс.

А.М. Позднеев рекомендовал оставить его в университете для подготовки к профессорскому званию, но потом появилась другая заманчивая идея. Незадолго до окончания учебы Цыбиков получил рукопись ламы Болтиморского дацана (монастыря) Мичжэд-дорчжэ о паломничестве в Тибет и Непал и показал ее Позднееву. Известный монголист, ознакомившись с этой рукописью, подал мысль Цыбикову самому совершить такое путешествие, а затем и помог через Русское географическое общество осуществить этот замысел.



1 Таберио Н.П. Записка о состоянии Восточного института за 1899 - 1900 академический год // ИВИ. 1901. Т. II, вып. II. С. 2 - 3.

2 Таберио Н.П. Там же. С. 91.

Путешествие Цыбикова в Тибет началось 25 ноября 1899 г. Одевшись ламой-паломником, он выступил из Урги с обратным торговым караваном алашанских монголов. Через два месяца он достиг знаменитого тибетско-монгольского монастыря Гумбум, где вместе с другими паломниками был вынужден в течение трех месяцев ожидать сбора большого, в полтораста человек, каравана паломников в Лхасу. Это время Цыбиков потратил на изучение жизни монастыря Гумбум и соседнего Лабрана. Через восемь месяцев после выезда из Урги, 3 августа 1900 г., он добрался наконец до Лхасы. Там он провел больше года, совершая поездки как в окрестности города, так и в провинцию Цзан. Из Лхасы путешественник выехал 10 сентября 1901 г. и 2 мая 1902 г., вновь с караванами, вернулся в Кяхту. Путь Цыбикова со всеми подробностями описан в его дневниках.

Положение паломника дало Цыбикову возможность изнутри наблюдать жизнь страны, но в то же время этот статус стеснял его, затрудняя работу. Путешественник должен был соблюдать большую осторожность, чтобы ничем не выдать себя. «Нечего было и думать о собирании каких-нибудь естественнонаучных коллекций, съемке местностей... Фотографический аппарат и термометр Реомюра пришлось держать под замком в сундуке вплоть до Лхасы. При себе я постоянно имел только маленькую записную книжку, куда заносил заметки ежедневно, даже и в этом скрываясь от любопытных глаз»[1] . И все же Цыбикову удалось тайком снять планы и чертежи зданий, скопировать надписи на древних памятниках, сделать фотоснимки в Лхасе и в окрестностях, провести запись температуры воздуха.

Наблюдения его отличались большой многогранностью. И во время путешествия, и находясь в Лхасе, он собирал сведения о занятиях населения в скотоводческих и земледельческих районах, отмечая отсталость земледелия, не поднявшегося даже до трехполья, и скотоводства, обходившегося без запасов сена; описывал торговлю, местную промышленность (ткацкую, по обработке металлов и др.) и ремесла в городах, имевших важное транзитное значение в торговле с Индией и Китаем; соляные и другие промыслы. Он подмечал состояние дорог в Тибете, писал о речных мостах, до которых надо было добираться вброд, и переправах на кожаных лодках. Его внимание привлекали постройки, в которых смешивались тибетский и китайский стили; одежда и пища населения; семейный быт (в том числе полиандрия и полигамия, которые он необоснованно пытался связать с ламаизмом), верования, развлечения (состязания лошадей и бегунов, борьба, загородные гуляния и игры под Новый год). Он успевал записывать фольклор, особенно легенды о географических и исторических объектах, встреченных в дороге или в монастырях: о перевалах, озерах, скалах, субурганах, развалинах дворцов и крепостей, а также об основателях городов, Чингиз-хане, знаменитых ламах.

Большое место в его описаниях отведено организации управления во всех посещенных им местностях, взаимоотношениям китайских и местных властей, организации туземного войска, юридическим нормам. В Лхасе Цыбиков изучал пестрый состав ее жителей. Он видел, как искусственно разжигаются там национальная рознь (между тибетцами, монголами, китайцами, кашмирцами и непальцами) и религиозная вражда (между буддистами и мусульманами). Он замечал возрастающую роль английского капитала и нивелировку им туземного бытового уклада. Подметил он и своеобразные формы жизни, складывающиеся под влиянием ламаизма.

Описание пути в Лхасу и обратно показывает, какие тяготы пришлось вынести Цыбикову во имя науки. Караван шел вооруженным, подвергаясь опасности нападения кочевых племен, похищавших во время ночлега вьючных и верховых животных. Путь пролегал через безводные и лишенные растительности местности, путники страдали от горной болезни «сур» на перевалах высотой 15–17 тыс. футов над уровнем моря. Недостаток пищевых запасов приходилось восполнять случайной охотой. Мучили песчаные ветры, топкая грязь, комары; слуги и проводники-«подводчики», нанятые путешественником, неоднократно бросали его с грузами. На обратном пути, например, Цыбиков остался один на один с тюками старинных книг на тибетском языке, зашитых в воловью кожу, чтобы уберечь их от воды и случайностей в пути. Описывая трудности дороги, Цыбиков старался делать выводы о том, что могло бы помочь будущим путешественникам в Тибет: предлагал лучшие маршруты, пастбища для корма скота и т.д.

Цыбиков отметил тяжелое положение большинства тибетцев и описал формы эксплуатации трудовых слоев населения: откупную систему при взимании податей и арендную систему в земледелии с угнетением крестьян и рабов, тяжелую работу на оросительных каналах с нищенской оплата труда. Он сравнивал вырытые в горах пещеры, в которых жили бедняки, с роскошными дворцами светских и духовных феодалов; показывал различия в одежде и пище у различных общественных групп населения, подмечал регламентированные формы головных уборов, цвет одежды, украшения. Путешественник нарисовал яркие социальные типы: «князей» кочевых монгольских племен, лам всех разрядов, «прорицателей», проводников караванов, горожан-ремесленников, торговцев и рабочих, крестьян-земледельцев и скотоводов, бродячих певцов, нищих, заключенных.

Цыбиков с жаром обличал недостатки социальной системы теократического государства: возможность подкупа, жестокость пыток и «правосудия», когда обвиняемому надевали «вечную колоду», отрубали пальцы, ослепляли, забивали розгами насмерть и т. п. Не укрылись от внимательного взора исследователя огромные поборы духовенства с «таксой» за различные виды поклонения «святыням». Он описывал террор, избиения и грабеж мирного населения во время ежегодного массового (до 20 тыс. монахов) сбора духовенства в Лхасе, так называемого «мён-лама»: Большого – для чтения «благопожеланий» в честь

1 Ц ы б и к о в Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Пг.: Изд. РГО, 1919. С. VII–VIII.

богдыхана и Малого – в честь далай-ламы.

Участвуя в качестве паломника в религиозных церемониях и празднествах, Цыбиков дал чрезвычайно ценное и живое их описание. Он был на поклонении у самого далай-ламы, ходил с процессиями паломников по храмам и другим «святыням», делая при этом украдкой фотоснимки, присутствовал при раздаче монет духовенству и на сеансах «прорицателей». Весьма подробно изучил он структуру всей организации ламайского духовенства и описал несколько монастырей: численность монахов, постройки, достопримечательности, легенды, связанные с основателями монастырей и «святынями», варварские способы поддержания дисциплины среди монахов, в большинстве своем безграмотных, с помощью всевозможных телесных наказаний и штрафов. Он делал вывод, что правительство Тибета использовало древние магические обряды в политических целях. Тесная связь ламаизма с правящей властью, его изуверство, нарочитая пышность обрядности, схоластическая «наука», сложность иерархии духовенства – все это представлено в изложении исследователя как яркая картина.

В основном Цыбиков ограничивался эмпирическим описанием, но иногда восходил и к обобщениям, причем некоторые его научные выводы представляют интерес и сегодня: выделение элементов шаманизма и добуддистских форм туземной религии в ламаизме; установление связи между обилием религиозных сект в Тибете и удельной системой средневековья, почему «ни одно вероучение не могло охватить всей страны» и т.п. При изложении истории ламаизма Цыбиков не замыкался в узкие академические или богословские рамки и использовал кроме личных наблюдений материалы древних рукописей и книг, особенно когда анализировал взаимоотношения страны с иноземными государствами, претендовавшими на влияние в Тибете. Больше всего Цыбикова интересовали отношения Тибета и Китая, начиная от проблем китайского суверенитета над Тибетом и отзвуков недавних политических событий, таких как боксерское и дунганское восстания, и заканчивая многовековым влиянием китайской культуры на жизнь тибетцев.

Начинающий исследователь провел в Тибете два года, из которых полтора года прожил в Лхассе, став первым европейским ученым, описавшим эту страну. Выполняя поручение Русского географического общества, он усиленно изучал тибетский язык и тибетскую литературу. Об этом путешествии он позднее написал большую работу, напечатанную с оригинальными иллюстрациями[2] . Большую ценность представляла коллекция тибетских книг, привезенная путешественником из Лхасы – свыше трехсот томов, оттиснутых с деревянных типографских досок. Книги были переданы Географическим обществом Азиатскому музею Академии наук (список их напечатан в «Известиях» Академии наук, 1904, т. 21, вып. 1).

21 мая 1902 г. Цыбиков писал во Владивосток А.М. Позднееву: «Прибыл я 9 мая с.г. благополучно из Тибета. Там я посетил, как вам уже известно, гор[од] Лхасу, Чжан-Цзэ, Цзетон (Четан), мон[астырь] Дашийлхунбо, Галдан, Сам и пр., привез оттуда около 330 томов тибетских книг, несколько рисунков “будд” и фотографические снимки монастырей [...] Хотелось бы посвятить жизнь на посильное служение науке о Востоке, для чего и желал бы очень быть назначенным в вверенный Вам институт. Поэтому почтительнейше прошу Вас, высокопочтимый Учитель мой, ходатайствовать, если найдете возможным, о назначении меня и.д. профессора института».

Поскольку имя Цыбикова не было известно академическому миру – в то время он еще не издал ни одной большой работы, – исследователь не мог претендовать на должность профессора[3] . По предложению А.М. Позднеева с 1 июля 1902 г. Цыбикова назначили лектором монгольской словесности Восточного института. 1 марта 1903 г. его избрали секретарем Конференции Восточного института, с 23 октября 1906 г. он стал исполнять дела профессора монгольского языка, а 26 мая следующего года вошел в состав правления института [4].

Общественность внимательно следила за научным творчеством Цыбикова. «Недавно путешествие нашего молодого русского ученого пробудило общий интерес к этой стране всего ученого мира. На Г.Ц. Цыбикова выпадает важная задача первому ознакомить весь ученый мир с жизнью в таинственной стране. Русская наука по востоковедению в лице Г.Ц. Цыбикова сделала значительный шаг вперед, и мы можем гордиться, что научная литература по Востоку пополнилась таким трудом, который явится драгоценнейшим вкладом в общеевропейскую науку» [5].

И.Г. Баранов вспоминал, что Цыбиков относился к своей работе преподавателя «с большой аккуратностью и с большим усердием», всегда выглядел скромным, даже застенчивым. На лекции он являлся одетым в форму, но носил бурки, страдая, вероятно, болезнью ног. Пособие к изучению разговорного монгольского языка (халхаского наречия), изданное Цыбиковым литографическим способом, Баранов называл хорошим учебником. Профессор предложил студентам дополнительно, по желанию, изучать тибетский язык, тоже по составленному им учебному пособию, но многим он показался слишком трудным. «На лекциях, – вспоминал Баранов, – может быть, потому, что мы еще только начали изучать Монголию, профессор не говорил с нами ни о чем, кроме, как только о языке Монголии и Тибета, не рассказывал ничего о жизни двух этих стран. Вообще он не казался человеком словоохотливым. Писал же он очень хорошо. Достаточно припомнить, например, хотя бы его сделанное не без юмора описание аудиенции паломникам у Далай-ламы в его книге “Буддийский паломник у святынь Тибета” (Петроград, 1919). Известна его фотография дворца Далай-ламы, помещавшаяся и в учебнике географии Азии.

---

2 Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899–1902 гг. Пг.: Изд. РГО, 1919.

3 Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 2 сент. 1902 // ИВИ. 1903. Т. IV. С. VI.

4 Заседание Конференции 27 сент. 1901 г. // ИВИ. 1901. Т. III, вып. I. С. 29–32.

5 «-ъ-ий». Выдающийся тибетовед // Дальний Восток. 1903. 17 сент. (№ 206). С. 2.

Ил.: Мукден, Маньчжурия. Ворота Императорского двора. Почтовая открытка. Изд. Д.П. Ефимова, 1904. № 3. Собр. Г.П. Турмова (Владивосток).

То, что поступить в Восточный институт было правильным, П.В. Шкуркин понял летом 1900 г., когда отголоски Боксерского восстания в Китае докатились до Российской империи. Военные действия произошли даже в Благовещенске. Оказалось, что по иронии судьбы русские почти ничего не знали о своем ближайшем соседе Китае. Это время было звездным часом для будущего знаменитого китаеведа. В этот период Руда¬ков находился со студентами на практике. Они весьма деятельно помогали русскому командованию, выступая по мере сил переводчиками и сообщая информацию о районе боевых действий.

Шкуркин, отправилась вместе с профессором А.В. Рудаковым на пароходе «Уссури» в Порт-Артур, никто из них не предполагал, что они могут попасть в переплет. Новый всплеск военных событий, связанных с Боксерским восстанием, на время отвлек будущего синолога от занятий наукой. Как только запахло порохом, Шкуркин добровольно попросился в строй, хотя как студент он имел право не участвовать в боевых действиях.

С 9 августа по 15 сентября 1900 г. Павел Шкуркин был в составе Печелийского отряда, где формировал колесные и речные транспорты в районе, занятом неприятелем, участвовал в бою в Пекине при взятии внутреннего императорского города [1]. За отличие в бою он был произведен в штабс-капитаны.

Аполлинарий Васильевич захотел разобраться и в причинах конфликта. В этом ему помогло не только изучение документов, но и многочисленные встречи с китайцами, принимавшими участие в этой войне. В результате вышла работа «Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке», которая вызвала сенсацию в России.

Во время Боксерского восстания многие библиотеки в Маньчжурии оказались брошенными. Рудаков написал записку на имя генерал-губернатора Н.И. Гродекова, в которой «выдвинул предложение обследовать большие архивы Северной Маньчжурии, которые должны были таить в себе богатые материалы по истории, культуре, быту, земледелию, описанию городов страны»[2] . Начальство согласилось, и молодой востоковед отправился в Хунчунь и Цицикар, куда до этого европейские ученые не добирались. Только в Цицикаре он провел четыре месяца, разбирая книги и бумаги во дворце китайского губернатора, вспоминая позднее: «Из этой полугодовой командировки я вывез во Владивосток часть маньчжурско-китайского архива в 2000 томах, составляющие ныне часть библиотеки Восточного института имени командующего войсками Н.И. Гродекова, благодаря содействию которого удалось сохранить для науки этот ценный научный материал по изучению северных народностей, дипломатических сношений с Россией с XVIII века и до восьмидесятых годов прошлого столетия, колонизации Северной Маньчжурии, ее экономического быта и политического устройства» [3]. Тогда Рудаков отправил через Харбин во Владивосток 400 ящиков с бесценным грузом.

Среди брошенных раритетов большой инте-

1 Собр. В.В.Шкуркина. Удостоверение начальника военных сообщений, № 795 от 15 сент. 1900, Тяньцзинь.

2 Николаев С. Выдающийся русский синолог-лингвист А.В. Рудаков // Красное знамя. 1945. 29 дек., портр.

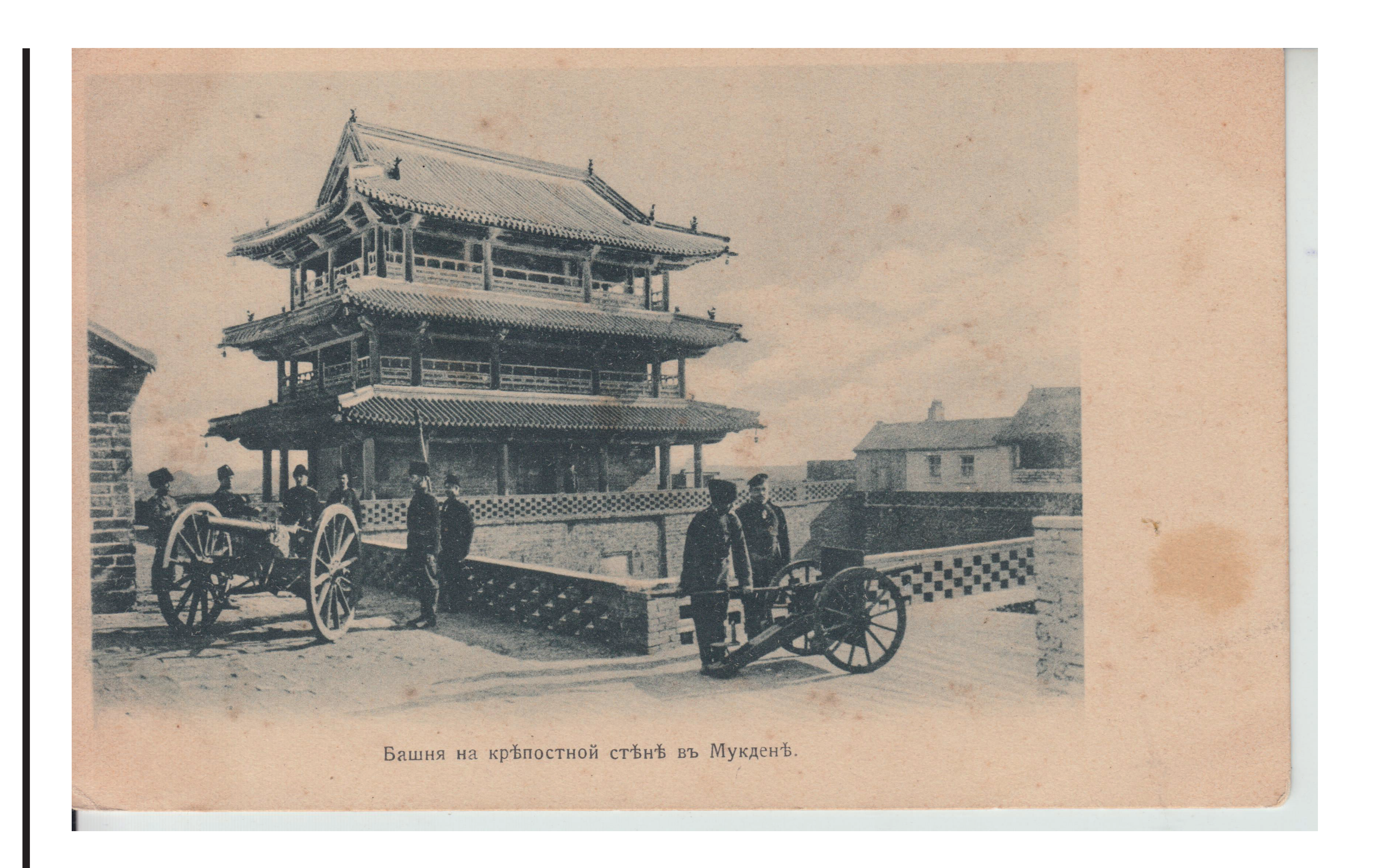
3 Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток). Автобиография А.В. Рудакова. [1918].

рес представляли «Сань-цзан и Дао-цзан» – полный свод литературы по даосизму и буддизму, изданный Минской династией (16–17 века) и насчитывающий тысячу томов. Благодаря поступлению этих ценностей институтская библиотека во Владивостоке сразу встала в один ряд с мировыми хранилищами книг по китаеведению. Материалов по маньчжуроведению в Восточном институте оказалось больше, чем даже в знаменитом Британском музее. Чуть позднее у входа в институт, по обеим сторонам крыльца, встали два китайских каменных льва, привезенные из Маньчжурии после Боксерского восстания.

Увлеченный находками, китаевед не обратил внимание на то, что от переноски тяжестей и неоднократных простуд – некоторые помещения, в которых он работал, не отапливались – он подхватил острый ишиас[4] . Сказались и условия путешествия, когда исследователь мог передвигаться только в кибитках. Возможно, существовала и предрасположенность к болезни: ею страдала в свое время и мать Рудакова. Почти сразу же пришлось взять в руки трость. Некоторые недоброжелатели говорили, что молодой профессор попросту фасонит. На самом же деле болезнь не оставляла его на протяжении всей своей долгой жизни: Рудаков постоянно страдал от острой боли в ногах.

4 Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток). Краткая автобиография проф. А.В. Рудакова. 19 сент. 1939. Л. 1.

Ил.: Общий вид Мукдена с главных городских ворот. Маньчжурия. Почтовая открытка. М.: Фототипия Шерер, Набгольц и Ко., 1904. № 20. Собр. Г.П. Турмова (Владивосток).



Ил.: Русские солдаты на башне на крепостной стене в Мукдене / В пользу общины Св. Евгении. Почтовая открытка. Изд. Т-ва Голике и Вильборг. Собр. Г.П. Турмова (Владивосток).

О библиотеке в Мукдене, уникальном собрании книг и рукописей, ходили легенды. В ней насчитывалось около ста тысяч томов, дававших богатейший, материл для изучения древнего Китая. По мнению английских востоковедов, в Мукденской библиотеке хранилось множество ценнейших рукописей, которые были захвачены еще во время монгольского нашествия в Европу и впоследствии оказались в Китае. Стоит ли говорить, какую ценность эти материалы представляли для востоковедов? 15 ноября 1900 г. в Восточном институте получили телеграмму от Приамурского генерал-губернатора: «Взятии Мукдена, я просил разрешения военного министра взять из библиотеки наиболее ценные экземпляры в научном отношении, для чего командировать Рудакова. Президент Академии наук тоже просил содействия моего по принятию мер, дабы сохранить для науки Мукденскую библиотеку»[1]. В телеграмме подчеркивалось, что некоторые раритеты можно было купить или сфотографировать.

По предложению директора Восточного института руководителем экспедиции в Мукден назначили А.В. Рудакова, в ее состав вошли П.П. Шмидт, Н.В. Кюнер и трое студентов. Для разбора библиотеки и перевода документов на русский язык была выделена значительная сумма в 4998 рублей [2]. Летом 1901 г. члены экспедиции выехали в Китай. Несмотря на сжатые сроки подготовки, востоковеды успели хорошо собраться, даже купили в магазине Кунста и Альберса самый лучший фотоаппарат. Сама командировка тоже была ограничена во времени, и членам экспедиции его не хватило, чтобы просмотреть все старинные книги легендарной библиотеки. Рудаков очень переживал по этому поводу, но и то, что удалось увидеть, впечатляло. По горячим следам Рудаков опубликовал статью «Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене», в которой рассказал о командировке. Вскоре вышел и «Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке». На следующий год профессора Восточного института вновь отправились в Китай за сбором материалов.

Забегая вперед, отметим, что, по мнению А.В. Рудакова, во время японской оккупации Маньчжурии в 1930-е годы Мукденскую библиотеку вывезли из города.

П.В. Шкуркин был благодарен тому, что ему пришлось принять участие в экспедиции Восточного института.

Во Владивостоке дом Шкуркиных находился чуть выше современного здания театра им. Горького. Вот каким он запомнился его сыну: «Во Владивостоке семья поселилась в собственном доме на Нагорной улице (ныне ул. Суханова). По склону горы вдоль улицы в сторону бухты спускалась деревянная лестница с перилами, а внизу на площадке стоял деревянный дом оригинальной архитектуры с верандой, крытой галереей и множеством разных «сюрпризов» внутри в виде винтовых люков и прочих причуд. Склон горы был укреплен двумя ярусами каменной кладки. Там, где кончалась лестница, устроен был хороший коло-

1 История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899 – 1939. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 97.

2 Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток). Письмо инспектора Восточного института № 58 от 8 июля 1901.

дец с крышкой и воротом. Перед верандой стояла беседка, увитая виноградом, а немного дальше - большое развесистое дерево. Особенностью этого дерева было то, что все оно было покрыто большими шипами. Площадка, на которой стоял дом, понемногу понижалась в сторону бухты и кончалась оврагом, куда спускалась очень крутая тропинка» [3].

Несмотря на все трудности, связанные с изучением китайского языка, Павел Шкуркин прекрасно справлялся со всеми заданиями. Во время летних каникул он совершал научные поездки в Китай. Не гнушался он и работой у китайцев. Так на практике он оттачивал языковые навыки, а вместе с тем познавал быт китайского народа.

Когда 10 мая 1900 г. группа студентов, в числе которых был и Павел **РУДАКОВ, Аполлинарий Васильевич** (9 июня 1871, Сенкорах (ок. Баку) - 11 мая 1949, Владивосток). Окончил кит.-маньчжур. отд-ние СПб. ун-та. Магистр кит. словесности (СПб. ун-т, 1903). Преподаватель и профессор (1899-1920), директор Вост. ин-та во Владивостоке (28 окт. 1906 - апр. 1917). Совершил несколько экспедиций по Маньчжурии и Китаю. Науч. интересы: история и география Китая, кит. словесность. Профессор кит. яз. ГДУ / ДВГУ (1920-1939), читал курсы: соврем. офиц. литератур. кит. яз. «Гуани-хуа-чжи-нань», мандарин. наречие, гофюй и фонетика мандарин. наречия, торговые и офиц. документы, основные элементы кит. литератур. яз. Зав. кабинетом китаеведения. Член Краевед. НИИ при ГДУ (секция лингвистики). Уволен 1 июля 1939 в связи с ликвидацией ДВГУ. С 1 сент. 1939 профессор воен. отд-ния Ин-та востоковедения им. Нариманова (Владивосток, до 1940), затем преподаватель кит. яз. на курсах воен.-мор. переводчиков (до авг. 1943).

Ил.: А.В. Рудаков. Собр. Т.А. Каракаш (Владивосток).

3 Собр. В.В.Шкуркина. Шкуркин В.П. Прошлое: Рукоп. Л. 64 - 65.

Ил.: Преподаватели и выпускники Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

Первый выпуск из стен Восточного института прошел очень торжественно. Дипломы получили первые дальневосточные востоковеды Павел Юрьевич Васкевич и Григорий Тимофеевич Назаров с китайско-японского отделения, Сергей Иванович Горяинов, Павел Васильевич Шкуркин и Дмитрий Иванович Щербаков с китайско-маньчжурского, Константин Иванович Дмитриев и Алексей Павлович Хионин с китайско-монгольского, Николай Дмитриевич Кузьмин, Константин Константинович Цивилев и Виктор Иванович Надаров с китайско-корейского.

ДМИТРИЕВ, Константин Иванович (4 февраля 1872 – ?). Окончил Олонецкую гимназию (1892) и Московское военное училище (1894). Служил 4 года в лейб-гвардии С.-Петербургском полку. Окончил китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке с отличием (1903). За сочинение «Экскурсия для изучения порта Инкоу» удостоен серебряной медали (1902). Сотрудник Министерства народного просвещения по ходатайству А.П. Позднеева, собирал сведения о народном образовании Китая. Занимал различные должности в пекинском, шанхайском и харбинском отделениях Русско-Китайского банка, в т.ч. помощник инспектора китайских кредитов (Шанхай). Член ОРО. Соч.: Экскурсия для изучения порта Иньkоу. Владивосток: Изд. Вост. ин-та, 1903. 281 с.: прил., чертежи. (ИВИ. Т. 7, 8).

Ил.: Д.К. Дмитриев. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

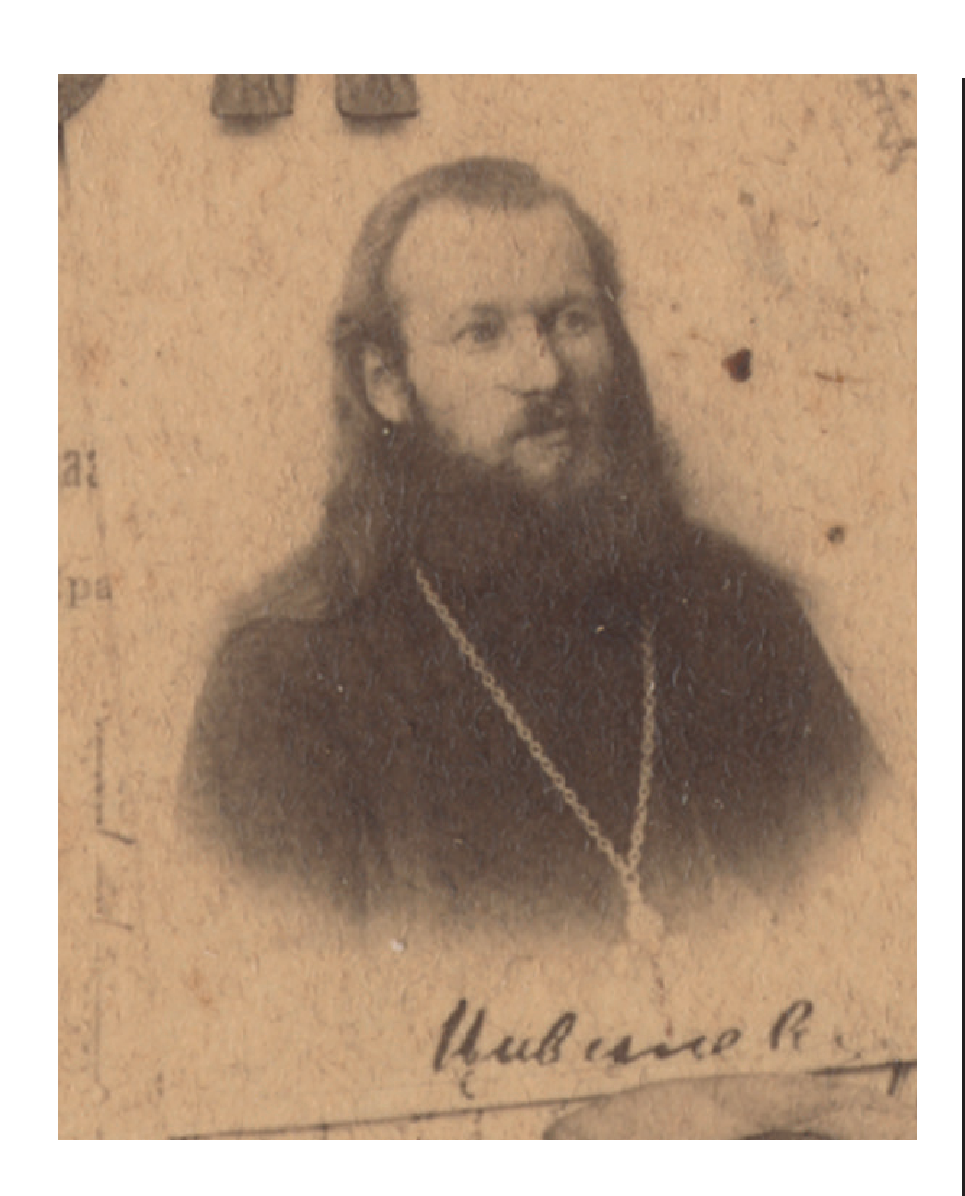
Д.И. Щербаков. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

КУЗЬМИН, Николай Дмитриевич (15 июля 1866 – ?). Окончил гимназию во Владивостоке и Иркутское пехотное училище (1886). Начальник охраны на пограничной р. Тюмень-ула (ныне Туманная) (1890). Командир охотничьей команды по обследованию долины р. Бикин (1894). Участник экспедиции в Корею (1895). Служил в с. Новокиевка. Капитан 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Помощник военного агента в Корее (1896). Инструктор в корейских войсках (1897). Адъютант Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова (1898–1899). Член ОИАК (с 21 ноября 1899). Совершил командировку в Китай и участвовал в комиссии по обороне Шанхая (1900). Окончил корейско-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1903). Совершил научную командировку в Корею (май–сентябрь 1903). Начальник разведывательного отделения Восточного отряда Маньчжурской армии (с 12 марта 1904). Пограничный комиссар в Амурской обл. (с 22 апреля 1906) и Южно-Уссурийском крае (с 6 декабря 1912). Полковник за отличие по службе (6 декабря 1912). Соч.: Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и фразами для упражнений. Хабаровск: Тип. штаба Приамур. округа, 1900. – III, 75, 128 с.; Политические общества в Китае и Японии (Отрывок по командировке в Шанхай) // ИВИ. 1900. Т. 2, вып. 1 (Мелкие и библиогр. заметки). С. 27–34.

НАДАРОВ, Виктор Иванович (13 октября 1873 – 1930-е, Китай). Сын известного дальневосточно-

го исследователя И.П. Надарова. Штабс-капитан 14-го Восточно-Сибирского полка. Окончил корейское отделение Восточного института во Владивостоке (1903). Оставлен для подготовки к профессорскому званию (с 1 ноября 1903), занимался исследованиями отношений между Россией, Японией и Китаем. Делопроизводитель отдела уполномоченного управляющего КВЖД по сношению с китайскими властями в Харбине. Нештатный Российский вице-консул в Яньцзигане. Член ОРО. Надворный советник, награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Погиб. Соч.: Материалы к изучению Ханькоу, его географического положения, связанных с ним транзитных путей, его торговли и пр. – Владивосток: Изд-во Вост. ин-та, 1901. – 182 с.: 9 литогр. чертежей, 4 л. стат. табл. – (ИВИ. – Т. 2, вып 2, 3, 4); Сеуло-фузанская железная дорога (Из отчета по командировке в Корею). – (ИВИ. – Т. 3, вып. 3); Сборник официальных китайских документов Куврера (Choix de Documets lettres officelles, proclamations, edits, memoriariaux, inscriptions, ... Texte Chinois avec traduction en francais et en latin par S. Couvrer S.J. Deuxieme edition. Ho Kien Fou Imprimerie de la Mission Catholique. 1898.) с изменениями в переводах, сделанными при чтении курса в Восточном институте за 1900 - 1903 гг., и с подстрочным словарем к китайскому тексту: в 2 ч.: Пер. с франц. / Сост. и изд. В. Надаров и А. Хионин. Ч. 1: Переводы; Издан специально для нужд курса Восточного института. – Владивосток, 1903. – 103 с.; Ч. 2. – 148, [2] с.

В.И. Надаров. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).



Ил.: К.К. Цивилев. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

ЦИВИЛЕВ, Константин Константинович (1870 – после 1933). Окончил Семинарию и Восточный институт (1903). Священник в Никольск-Уссурийском. Дважды арестован и сослан в Нарымский край.

Обращаясь к А.М. Позднееву, студенты первого выпуска говорили: «При всем различии наших образовательных цензов, общественного и материального положения, при всем разнообразии интересов, воспитавшихся в душе каждого из нас под влиянием родного ему уголка необъятной Русской земли, Вы с самого начала нашей учебной жизни дали общее дружное направление нашей работе и всем нам внушали важность ожидающей нас деятельности, ведя нас неуклонно по пути самоотвержения и истины»[1] .

Примеры трудоустройства выпускников позволяют сделать вывод о том, что Восточный институт давал своим студентам не только языковую подготовку, а гораздо более широкое образование, позволявшее найти применение своим знаниям в самых различных сферах деятельности. Выбирая работу, связанную с производством, коммерцией, административной деятельностью, выпускники-восточники, как правило, добивались успехов. Так, К.И. Дмитриев занимал пост секретаря правления Русско-Китайского (Русско-Азиатского) банка, М.К. Константинов был начальником Русской почтовой конторы в Пекине, С.В. Афанасьев – помощником военного агента в

1 Торжественное заседание 15 мая 1903 года, посвященное первому выпуску студентов Восточного института // ИВИ. 1903. Т. IX. С. CLXXXVII.

Ил.: А.П. Хионин. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

Тяньцзине. В.Ф. Руденко после непродолжительной работы в Министерстве торговли и промышленности в Санкт-Петербурге вернулся на Дальний Восток и служил крестьянским начальником в Приамурье. Переехав после Октябрьской революции в Харбин, он устроился сначала в коммерческой части управления КВЖД, а затем в управлении Китайско-Чаньчуньской железной дороги[2] . Крупным специалистом в области рыболовства стал выпускник 1909 г. М.С. Алексин, занимавший ответственные должности: главного управляющего компании дальневосточного рыбопромышленника М.М. Люри, смотрителя рыболовства Николаевского-на-Амуре рыбопромышленного района, ревизора Приамурского управления государственных имуществ, управляющего рыбными промыслами Дальнего Востока.

Около 20% студентов первых пяти выпусков (всего за эти годы институт выпустил 64 человека) смогли устроиться на службу в Министерство иностранных дел, из них семеро служили в дипломатических и консульских учреждениях в странах Дальнего Востока. 17 выпускников стали чиновниками в административных центрах Восточной Сибири, шестеро – служащими Русско-Китайского (Русско-Азиатского) банка, семеро занялись преподаванием, еще четверо – журналистикой[3] . Многие вчерашние студенты стали работать на КВЖД (П.В. Шкуркин, В.И. Надаров, Б.И. Воблый и др.).

Отмечалось, что трудоустройство выпускников проходило довольно болезненно. Ведущие места в Министерстве иностранных дел все же доставались выпускникам С.-Петербургского университета. Более перспективной для дальневосточников считалась работа на КВЖД или в Русско-Азиатском банке, но и там число вакантных мест было весьма ограниченным. Около 25% выпускников первого выпуска вообще не смогли найти себе работы. Позднее питомцы Восточного института сетовали на то, что Попечительный совет не счел нужным заняться вплотную трудоустройством вчерашних студентов.

Дальнейшая деятельность выпускников Восточного института показала, что многие ученики не отстали от учителей. Студент первого набора А.П. Хионин, например, закончивший институт по первому разряду в мае 1903 г., впоследствии стал в эмиграции выдающимся китаеведом.

Будущий ориенталист Алексей Павлович Хионин родился во Владимире 16 марта 1879 г. Под влиянием родителей он окончил духовное училище в Астрахани, а позднее и духовную семинарию по 1-му разряду (1899). Трудно сказать, почему Алексей Хионин решил продолжить обучение столь далеко от родительского дома – во Владивостоке, на китайско-монгольском отделении Восточного института. Может, эта мысль возникла у него под влиянием трудов Иокинфа Бичурина, жизнедеятельность которого молодой человек изучил досконально. Родителей, как и следовало ожидать, не обрадовал такой поворот в судьбе сына, но Алексею удалось убедить отца в серьезности его намерений, и вскоре поезд умчал молодого человека по Транссибу во Владивосток [4].

По прибытии в Восточный институт он с увлечением занялся постижением новых знаний, благо, там было, у кого учиться. С особым увлечением Хионин слушал лекции А.В. Рудакова, П.П. Шмидта и Н.В. Кюнера. В 1903 г. он окончил институт с отличием и был оставлен в альма-матер ассистентом профессора по кафедре монголоведения.

Его служение науке было прервано ухудшением политической обстановки на Дальнем Востоке. 1 января 1904 г. Алексея Хионина командировали в Порт-Артур в распоряжение наместника Алексеева, а с началом Русско-японской войны мобилизовали. 26 января 1904 г. востоковед получил назначение секретарем коменданта Главной квартиры полевого штаба главнокомандующего, с конца 1904 г. до середины мая 1905 г. занимал должность начальника отдела драгоманов (переводчиков) при Мукденском военном комиссаре, а потом стал начальником отдела по связи с китайскими и монгольскими властями. С 1 февраля по 10 апреля 1906 г. он служил в Харбине в штабе главнокомандующего генерала Гродекова. В этот период Хионину пришлось бывать под пулями и

2 Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте… Б.л.

3 Известия Восточного института. Владивосток, 1910. Т. 35. Прил. 1. С.32.

4 Хисамутдинов А. Алексей Хионин из Общества русских ориенталистов // Восток. 1997. № 4. С. 112–117.

близко чувствовать дыхание смерти. В апреле 1906 г. его демобилизовали, но в Восточные институт он не вернулся: несмотря на протесты директора Восточного института, Хионина откомандирован в Петербург, где он около года занимался научной работой в Министерстве иностранных дел Российской империи. Именно тогда он стал формироваться как настоящий исследователь Востока.

Началась и его дипломатическая карьера: в июне 1907 г. А.П. Хионина назначили атташе Министерства иностранных дел. Он был драгоманом Российского консульства в Кашгаре (с 1909), консульским секретарем в Урусутае (с 1910), затем в Урге, российским консулом в Кобдо (1917–1920). Когда китайские власти закрыли Российское консульство, Хионин уехал из Монголии в Тяньцзинь, затем в Харбин, где поступил на службу в контору Российско-китайско-японского лесопромышленного общества (1922), а затем работал экономистом в правлении Южно-Маньчжурской железной дороги в Харбине (1924).

Другим известным востоковедом стал Павел Юрьевич Васкевич. Еще в бытность его студентом отмечались усердие, серьезное отношение к делу и энергия, с которой он преследовал намеченную цель: «Неудивительно поэтому, что результаты исследований Васкевича являются действительно блестящими. Но заслуга его не ограничивается одним только тем, что он занимался исследованиями и работал на месте, – особенность его труда заключается в том, что он сумел создать из собранных материалов блестящий отчет, свидетельствующий об его умении систематизировать то разнообразное и разнородное собрание сведений, которое находилось в его распоряжении, – он имел прилежание и находил время вести ежедневные самые подробные записки и, благодаря этому, с самого начала облегчил себе труд приведения их в систему, придерживаясь составлявшегося изо дня в день дневника» [5].

Несмотря на то, что профессора отмечали некоторую шероховатость стиля повествования Васкевича, слабость студента в теории и отсутствие ритмики в переводах, 17 октября 1902 г. труд студента был удостоен золотой медали Восточного института.

ВАСКЕВИЧ, Павел Юрьевич (Георгиевич) (16 декабря 1876, Белево Волынской губ. – 29 марта 1958, Кобе, Япония). Сын священника. Служил вольноопределяющимся 1-го разряда в 19-м пехотном Костромском полку (с 1 октября 1897). Окончил курс полковой учебы (24 апреля 1898). Прапорщик запаса (5 августа 1898). Окончил Волынскую духовную семинарию (1891) и китайско-японское отделение Восточного института (1903). Старший столоначальник Амурской казенной палаты (с 1 июля 1903). Член ОРО. Командирован для исследования быта японцев во Владивостоке (с 14 августа 1903). Участник Русско-японской войны (призван 4 февраля 1904), служил драгоманом японского языка в полковом штабе и при походной канцелярии по дипломатической службе наместника (с 29 апреля 1904). Чиновник Министерства иностранных дел (с 7 февраля 1906). Студент в Сеуле (26 августа 1906 – 1909). Переводчик с японского языка в разграничительной комиссии на острове Сахалин (с 14 апреля 1907). Титулярный советник (с 1 июля 1907). Драгоман в Токио (1911–1917). Российский генеральный консул в Дайрене (1917–1923). После отставки содержал молочную ферму. Публиковал статьи в газетах «Возрождение Азии» (1939) и «Шанхайская заря» (1944). В последние годы жил в Японии.

5 Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 17 октября 1902 г. // ИВИ. 1903. Т. V. С. XX.

Ил.: П.Ю. Васкевич. Общая фотография преподавателей и выпускников Восточного института (1903). Собр. В.В. Шкуркина (США).

Большинство профессоров Восточного института были одного возраста. Молодые, талантливые и амбициозные, они не боялись научных авторитетов. Владивостокские востоковеды свято верили, что их жизнь и деятельность на Дальнем Востоке дает им превосходный шанс в достижении высот востоковедческого олимпа. Но их взаимоотношения, как и отношения со студентами, складывались не так-то просто. Директор А.М. Позднеев ввел почти «полицейский надзор» за студентами. Он устраивал неожиданные проверки занятий, очень часто оставлял нерадивых на внеочередную молитву, нередкими были и случаи лишения стипендий. Многие отмечали властность А.М. Позднеева, «хорошего профессора монгольской словесности и выдающегося монголоведа, но в то же время типичного администратора старой школы, капризного и тяжелого старика, душившего всякое свободное проявление организованного студенческого общения как между собою, так и с профессорами, не только на почве специальной науки» [1].

Вряд ли можно считать справедливой эту оценку, данную 52-летнему основателю института одним из студентов. Вероятно, Позднеев действительно был жесток и суров, но без этих качеств он не смог бы создать на далекой окраине империи, вдали от культурных центров и коллег полноценный институт.

Взаимное неудовлетворение неоднократно выливалось в открытые столкновения. Вот и торжественные мероприятия, связанные с первым выпуском, были омрачены студенческим бунтом. В этом выступлении участвовали А. Спицын, П. Тишенко, А. Петров, Г. Софоклов, Н. Сенько-Буланный и др. Зачинщики беспорядков понесли наказание, но многих простили, дав возможность закончить обучение. А.М. Позднеев же был вынужден покинуть Восточный институт,

Несмотря на критическое отношение студентов к первому директору, некоторые были искренне огорчены его уходом. В последний день пребывания А.М. Позднеева в институте ему преподнесли несколько приветственных адресов. Коллеги писали: «Вы везде, во всех начинаниях являлись строго-последовательным элементом, предохранявшим от излишних увлечений и Конференцию института, и Попечительный совет, и Общество вспомоществования. Никто не скорбел больше Вас при виде действительной нужды, но никто и не умел более разумно помогать, нежели Вы. Конечно, деятельность Ваша как деятельность сильного человека несокрушимой энергии и воли не могла не создать Вам и многих противников, но при всем том не было за все четырехлетнее пребывание Ваше в крае ни одного вопроса общественной или правительственной важности, к которому Вы ни привлекались бы в качестве советника или вершителя дела. Нет ни одного ведомства, которое не нуждалось бы в Вашем содействии, и Ваш уход будет долго чувствоваться, образуя в различных силах края самый чувствительный, ничем не заполняемый пробел. У Вас было и есть слишком много характера и твердых, непреклонных убеждений, слишком много гордого благородства, и этими качествами Вы стяжали себе горячую благодарность всех, кому действительно близки интересы просвещения и учащейся молодежи и интересы общественной правительственной деятельности» [2].

«Оставляя сегодня Восточный институт, – отмечали студенты А.М. Позднеева, – в стенах которого мы, первые питомцы первого на Дальнем Востоке высшего учебного заведения, получили немало практических сведений и возможную теоретическую подготовку по изучению соседних стран Дальнего Востока, мы счастливы полным составом настоящего выпуска выразить Вам, представителю Института, наши чувства при оставлении своей Alma Mater и пред всеми засвидетельствовать глубочайшую благодарность Конференции и Вам, глубокоуважаемый Алексей Матвеевич, главному руководителю просветительской деятельности института, за все то, что теперь уносим мы с собою на поприще предстоящей нам общественной и служебной деятельности. [...] Постоянно испытывая на себе дружественное влияние и отеческую доброжелательность за все время нашего пребывания в институте, мы с беспредельной грустью смотрели на события, омрачившие за последние месяцы жизни Восточного института и могущие лишь свидетельствовать о недостаточном понимании и явном уклонении от основной цели, ради которой мы поступаем в Восточный институт, о полном нежелании понять возможные пределы различных претензий по нему, о ничем не вызванном недоверии к институтскому начальству и о полной жизненной неопытности» [3].

Алексей Матвеевич Позднеев принял предложение стать членом совета Министерства народного просвещения в ранге тайного советника (с 3 ноября 1903). Дальнейшая его карьера складывалась отлично, свидетельством чему являются и награды: орден Святого Станислава 1-й степени, Святой Анны 1-й степени (1 февраля 1902), Белого Орла.

---

1 К десятилетию Восточного института. 1899–1909 // Вестн. Азии. 1909. № 2. С. 10.

2 АПОИВ. Ф. 44. Оп. 3. Д. 3. Л.2

3 АПОИВ. Ф. 44. Оп. 3. Д. 2. Л. 1, 1об

В 1903 г. П.В.Шкуркин с отличием окончил Восточный институт. «При хороших способностях и примерном прилежании г. Шкуркин за все время пребывания его в институте постоянно отличался своими успехами, на окончательных испытаниях явился буквально первым из числа всех окончивших курс [...]» Тогда же увидела свет и его первая научная работа[1] . . Профессора из «альма матер» предложили талантливому ученику подготовиться к сдаче экзамена на профессорское звание. Шкуркин же предпочел продолжить изучение языка и быта китайцев на практике. В те времена настоящим бичом для Приморья были хунхузы, и недавний выпускник Восточного института сделал необычный шаг: 20 мая 1903 г. он стал помощником Владивостокского полицмейстера. Вероятно, в это же время П. Шкуркин и познакомился с поручиком В. Арсеньевым, который с 1900 по 1905 гг. служил во Владивостокской крепости.

Вскоре страж закона стал буквально костью поперек горла преступным структурам Владивостока. 25 июля после словесного распоряжения - для соблюдения секретности приказа, - командуя отрядом из 32 солдат 2-го Владивостокского крепостного полка, Шкуркин отправился на о. Попов, в бухту Холувей, на очередную операцию по уничтожению банды хунхузов. Там была перестрелка. В рукопашном бою его ударили прикладом и прострелили правое плечо.

Он был помещен в госпиталь, но вечером с разрешения врачей тайно покинул палату. С помощью околоточного Галина, П.В. Шкуркин накрыл игральный дом с опиекурильней [2]. 11 августа он разгромил другую банковку во Владивостоке [3]. В благодарность за это Шкуркина наградили золотыми часами [4]. Военный губернатор Владивостока оценил работу Павла Васильевича и распорядился передать ему все дела по китайскому населению города[5]. Но проработал Шкуркин в этой должности всего полгода и был вынужден ее покинуть отнюдь не по собственной воле. Один из его сотрудников писал ему: «Разобравшись во время Вашего отсутствия в Вашем деле, я с отчаянием опустил руки. С одной стороны, для меня не стало сомнения, что Владивосток сделался центром не только хунхузской деятельности, с которой Вы боролись, но и гнездом алчности, лихоимства и всякой мерзости (во главе которой находится П.); а с другой, что кроме явного начальства нами руководят такие длинные нити, что до конца их мы дотянуться не можем: руки коротки. Уничтожив шайки хунхузов, пиратскую флотилию и прочие хунхузские предприятия, Вы ведь подорвали источник благосостояния многих лиц, о существовании которых Вы не подозреваете, но которые считают Вас теперь своим личным врагом. А некоторым Ваша деятельность грозила еще кое-чем

Ил.: Пойманный хунхуз. Открытка.

похуже...» [6].

Во время работы помощником полицмейстера Павел Васильевич успел собрать бесценный материал по хунхузничеству и смог написать несколько этнографических книг, которые позднее увидели свет. «Хунхузы» были готовы уже в 1919 г. В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «Всякая характеристика этого любопытного социального явления в Китае будет не точна; поэтому пусть лучше сам читатель сделает свои собственные выводы из ряда предлагаемых рассказов, объединенных одним общим названием «Хунхузы». Здесь он увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т.д., но увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит - подлости и предательства. Кроме того, «хунхузничество», как бытовое явление, заслуживает самого глубокого внимания и должно сделаться предметом серьезного научного исследования» [7]

Книга П.В. Шкуркина «Хунхузы» стала популярной в среде русского населения в Маньчжурии. С одной стороны, был высок авторитет автора, с другой - привлекала злободневность темы. В рецензии на эту книгу отмечалось: «Русские в Маньчжурии постоянно соприкасаются с китайцами и в частности с хунхузами, но почти никто их не знает, а между тем в хунхузничестве, как в капле воды, отражаются все национальные особенности Китая: это социальное явление имеет глубокие корни, гнездящиеся в особенностях характера сынов «черноволосого народа» и укладе их жизни, книга же Шкуркина ярко освещает этот кусочек китайского быта и знакомит нас вообще с Китаем и его обитателями» [8]..

1 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д.5595 Л. 17 об.

2 О доставлении скота в пути из Маньчжурии // Бюл. Примор. статист. бюро, 1903.

3 Местная хроника // Дальний Восток. 1903. 31 июля (№ 169). С. 2.

4 Местная хроника // Дальний Восток. 1903. 13 авг (№ 179). С. 2.

5 Местная хроника // Дальний Восток. 1903. 6 сент (№ 198). С. 2.

6 Собр. В.В.Шкуркина. Письмо Ивановича от 30 дек. 1903.

7 Хунхузы: Рассказы из кит. быта. Харбин: Типо-литогр. тов. «ОЗО», 1924. С. 2.

8 Библиография // Слово. Харбин, 1924. 20 апр

Ил.: Русские и китайские полицейские. Открытка.

Русско-японскую войну Шкуркин встретил в действующей армии. 22 ноября 1904 г. он в чине штабс-капитана был назначен командиром тайной разведки отряда генерал-лейтенанта Ранненкампфа. Он проникал в самые сложные места и, как отмечалось в приказе, «[…] вел при вверенном мне отряде дело тайной разведки, вкладывая в это не только знание, но и любовь к порученному делу. Благодаря подобному отношению к службе, результат его работ приносит существенную пользу отряду в деле освещения окружающей обстановки. В немалую заслугу штабс-капитану Шкуркину должен поставить то, что он принимал участие, и притом самое деятельное, во всех усиленных рекогносцировках и боевых столкновениях отряда, желая собственным наблюдением проверить результаты своей работы, причем, не ограничиваясь ролью наблюдателя. Неоднократно он проявлял активную деятельность, высказывая при этом выдающееся хладнокровие, мужество энергию»[1] . Свидетельством этого стали многочисленные награды с надписью, «За храбрость»: орден Св. Анны 4-й степени (1 июля 1905 г.) и 3-й степени с мечами и бантом (27 марта 1905 г.), 2-й степени с мечами (4 октября 1905 г.).

При этом в аттестации Шкуркина отмечалось, что «[...] в продолжении более года, помимо безукоризненного исполнения своих прямых обязанностей, он принимал самое деятельное участие в урегулировании всех вопросов, вызванных сношениями войск с местным населением, благодаря знанию языка, нравов и обычаев китайцев, тактичности и опытности в обращении с ними»[2] .

Среди наград П.В. Шкуркина появился и китайский орден Двойного Дракона второй степени [3]. В сопроводительном письме Хайлученской провинции было написано: «Русский офицер Шкуркин вполне проник в чувства китайского населения; исполняя дела, он был защитником китайского населения, помогал ему и не причинял ни малейшего затруднения. Поэтому земледельцы могли возделывать землю и купцы торговать: труд их был охраняем, спокойствие обеспечено, и они благоденствовали»[4] .

Вернувшись из Маньчжурии, капитан Шкуркин служил в гарнизоне пос. Раздольное. К сожалению, не сохранилось сведений, за какие заслуги он получил следующие два ордена: Св. Станислава 2 ст. с мечами (4 ноября 1907 г.) и Св.Владимира 4 ст. (22 сент. 1907 г.). О последней награде лишь известно, что он был отмечен ею «за выполнение служебного поручения, сопряженного с явною опасностью для жизни» [5].

1 Собр. В.В.Шкуркина. Копия с приказа № 79 от 4-го мая 1905 г. Гор. Хайлунчен.

2 Собр. В.В.Шкуркина. Аттестация командира 7-го Сиб. Армейского корпуса от 11 нояб. 1905. Сел. Укашу.

3 Собр. В.В.Шкуркина. Письмо Главного штаба N8224 от 13 февр. 1906.

4 Собр. В.В.Шкуркина . Сообщение Главнокомандующего лагерями, командующего всеми конными и пешими отрядами Хайлунченской провинции, имеющего павлинье перо, Фудутуна, Главного начальник И, 28 сент. 1905. Пер. с кит.

5 РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д.5595. Л. 6.
Собр. В.В.Шкуркина. Письмо директора

Ил.: Братская могила русских воинов. Дальний / Дайрен.

Ил.: П.В. Шкуркин. 1907. Из собр. В.В. Шкуркина.

В 1908 г. П.В. Шкуркин путешествовал по центральному Китаю, а затем преподавал в Гирине в Филологическом училище, где читал лекции по истории России и русскому языку. По окончании службы он удостоился следующей характеристики: «Мы чистосердечно радуемся, что уже в течение целого года пользовались Вашей просвещенной помощью в училище, в котором Вы состоите преподавателем; мы радостны и счастливы, и все Ваши ученики охвачены пылом соревнования и оказывали большие успехи. Вы не только постепенно внедряли в них познания, но и учили их также правилам приличия и вежливости; Вы положили прочное начало добрым навыкам, - и вполне в этом успели» [1].

Вероятно, в то время деятельность офицера Шкуркина не ограничивалась преподаванием в училище. Некоторые материалы из семейного архива дают понять, что он собирал различную оперативную информацию о Китае, которая была необходима генеральному штабу Российской империи. В это время он заканчивает большую работу «По востоку». В предисловии к ней П.В. Шкуркин пишет: «События последнего времени в корне потрясли многие из древних устоев древнейшего в мире государства и невольно возбудили жгучий интерес в европейцах, так или иначе связанных с Востоком. Вот почему, не доверяя тенденциозным сообщениям дальневосточной прессы, я в 1906 году предпринял поездку по наиболее интересовавшему меня Восточному Китаю. Предлагаемые очерки – выдержки из путевого дневника, дополненные кое-где выдержками из малоизвестных или необнародованных китайских и английских источников. Заметки эти нарочно не систематизированы, а остались в форме дневника, чтобы читатель мог следить за путешественником и одновременно с автором получать впечатления от роскошной, вечно юной, цве-

1 Собр. В.В.Шкуркина. Письмо директора училища от 4 апр. 1908 г.

Ил.: П.В. Шкуркин. 1911. Из собр. В.В. Шкуркина.

тущей природы Востока и от дряхлой, на наш взгляд, но такой же жизненной, как и природа, культуры Китая»[2].

В 1909 г. П.В. Шкуркин приехал в Хабаровск, где служил в штабе Приамурского военного округа. Его сыновья поступили в Хабаровский кадетский корпус. Правда, военными они так и не стали. Безусловно, в Хабаровске Шкуркин близко подружился с Арсеньевым, который с 1905 г. служил здесь же.

Как ни странно, но в те времена офицеры-восточники не могли похвастаться успешной карьерой. В одной пояснительной записке отмечалось, что «наверно во всей Российской армии нет других офицеров-специалистов, поставленных в худшие служебные условия, чем восточники - редкие, трудно получаемые специалисты. В самом деле, минимум 4 года усиленного труда на приобретение высшего образования, - офицеры возвращаются в строй, и строевое начальство им сразу заявляет: «Вы отстали от строя. Подучитесь, - иначе мы не можем Вас ни аттестовать, ни дать роты»[3]. В результате такого отношения офицер был вынужден забросить изучение языка и целиком посвятить себя военной службе. Поэтому никому из офицеров - выпускников Восточного института - не удалось сделать хорошей карьеры. Их специальность не позволяла им подняться выше звания штабс-капитана. Не стал исключением и П.В. Шкуркин, который решил покинуть службу, благо страна, которая его интересовала, находилась рядом.

2 Шкуркин П.В. По Востоку: Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэй'я. Чжи-фу, Шанхая, Хан-чжоу, Су-чжоу, Ань-цин-фу. Реорганизация войск в Центральном Китае // Вестн. Азии. 1911. № 9. С. 140 - 141.

3 Собр. В.В.Шкуркина. Без назв. Л.1.

Ил.: П.В. Шкуркин. 1907. Из собр. В.В. Шкуркина.

Ил.: Почтовая открытка

В 1913 г. Павел Васильевич вышел в отставку, став переводчиком на КВЖД в Харбине. Именно на эти годы приходится расцвет его деятельности как ученого-синолога. Один за другим выходят его труды, совершаются экспедиции.

С деятелями Общества русских ориенталистов в Харбине

Одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии Харбин стал задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию. Русские ученые первыми исследовали Маньчжурию. Их книгами пользовались ученые всего мира, в том числе и самого Китая. Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) требовалось немало переводчиков, многие из которых помимо переводческой работы стали заниматься и исследованиями. Приезжая к месту работы в Китай, российские переводчики-китаеведы искали возможность пообщаться друг с другом, а заодно и почерпнуть новые знания. Не удивительно, что вскоре в этой среде зародилась идея создать общество по изучению Азии, которое могло бы объединить китаеведов в Харбине. Но востоковедов - харбинцев опередил Пекин. 12 июня 1908 г. там собралось около 80 выпускников восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Восточного института во Владивостоке, которые решили создать Союз ориенталистов на Дальнем Востоке. К сожалению, дальше разговоров о создании проекта устава тогда дело не пошло.

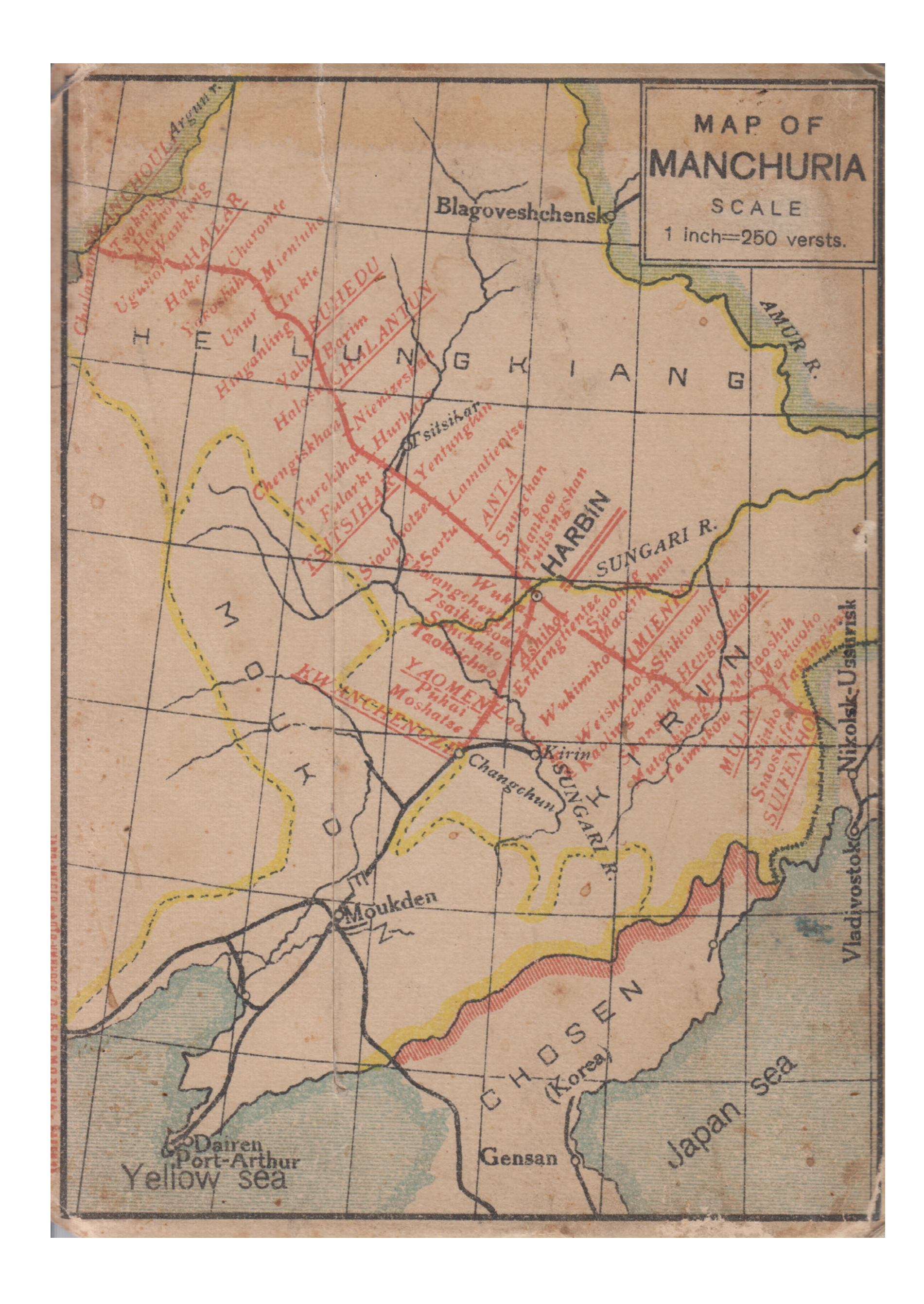
Но и в Маньчжурии, независимо от пекинской встречи, было создано научное общество. Известны имена пяти инициаторов его создания: коммерческий агент КВЖД в г. Цицикаре А.П. Болобан, помощник редактора газеты «Юань-дун-бао» И.А. Доброловский, чиновник министерства торговли и промышленности А.Н. Петров, редактор газеты «Юань-дун-бао» А.В. Спицын и городской голова Харбина П.С. Тишенко. Все были выпускниками Восточного института. В анналах истории Харбина появилась дата 21 июня 1908 г. В этот день было провозглашено учреждение Общества русских ориенталистов (ОРО). Основными задачами новой организации были: «1). Изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; 2). Содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; 3). Освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям; 4). Духовная и материальная взаимопомощь и поддержка членов организации» [1].

Первый историк ОРО Н. Автономов отметил четыре периода деятельности этого востоковедческого общества: I. Организационный. Начало издания журнала «Вестник Азии». 1908 - 12 гг.; II. Популяризационный. Проведение докладов и лекций. 1913 - 1917 гг.; III. Ослабление деятельности, вызванное гражданской войной. 1917 - 1920 гг.; IV. Восстановительный. 1920 - 1927 гг.[2]

24 января 1909 г. устав ОРО, предложенный И.А. Доброловским, был утвержден без всяких проволочек на учредительном собрании. Первым председателем Общества избрали блестящего китаеведа А.В. Спицына, организатора многих встреч и лекций. Он был советником в правлении КВЖД и редактором газет «Шен-

1 Великая Маньчжурская империя: К 10-летнему юбилею. Харбин: Изд-во Гос. организации Кио-Ва-Кай и Гл. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. С.336.

2 Автономов Н. Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк) // Вестн. Азии. 1926. № 53. С. 415.



Ил.: Китай. Маньчжурия. Линия Китайско-Восточной железной дороги.

цзинь-бао» и «Юань-дун-бао». Одновременно А.В. Спицын писал в «Новое время». Его работы заметил премьер-министр Столыпин и предложил разработать экономическую программу для Маньчжурии. 22 марта 1909 г. Н.К. Новиков выступил с программной речью: «Задачи ОРО в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока», а 19 апреля в помещении Мужского коммерческого училища И.А. Доброловский прочел первый доклад «Внеземельность и общественное управление иностранных поселений в Китае». Своей основной задачей востоковеды считали популяризацию знаний о Востоке среди населения. Доклады, которые они читали на заседаниях Общества, затем публиковались в журнале «Вестник Азии», первый номер которого появился в июле 1909 г. «Редакция журнала, - подчеркивалось в нем, - не обольщает себя радужными надеждами на активное сочувствие широких слоев русского общества. Слишком велико еще равнодушие так называемой широкой публики не только к более или менее отвлеченным проблемам жизни Востока, глубоко интересным для всякого пытливого ума, но и к вопросам, затрагивающим повседневные интересы практического общения с ним. Даже более того, молодому Обществу русских ориенталистов с самого момента своего нарождения пришлось считаться с недружелюбным к нему отношением и отрицательным взглядом на возможность практических результатов его деятельности в силу отрицания востоковедения, как цикла специальных знаний о Востоке, имеющих право на самостоятельное существование и развитие»[3] . Много позднее Н. Автономов писал: «Журнал сразу же был встречен очень сочувственно и прессой, и публикой, и научным миром. Непосредственно после выхода первого номера журнала И.А. Доброловский на общем собрании членов ОРО в конце октября 1909 г. сообщил об отзывах о журнале. За исключением одного (проф. СПб. у-та Бартольда), все отзывы печати носили благоприятный, ободряющий и даже лестный характер как для журнала, так и для всего О-ва. Пожелания сводились, главным образом, к наибольшему развитию в журнале отделов общественно-политического и экономического и, возможно, разносторонней популяризации вопросов востоковедения. Несколько позднее (в конце мая 1910 г.) редактор журнала Н.К. Новиков свидетельствовал: «Судя по отзывам печати, журнал, по мере распространения, создает себе прочное положение в среде читающего общества, и с журналом начинают считаться в научно-академических сферах» [4]. Всего вышло в свет 53 номера журнала «Вестник Азии»[5] .

Членами ОРО стали переводчики, дипломаты, коммерсанты и профессора Восточного института и Петербургского университета. Наряду с крупными городами Китая, в которых существовали русские колонии, отделения Общества были открыты во Владивостоке и Санкт-Петербурге. В столице Российской

3 От редакции // Вестн. Азии. 1909. № 1 (Июль). С. I - II.

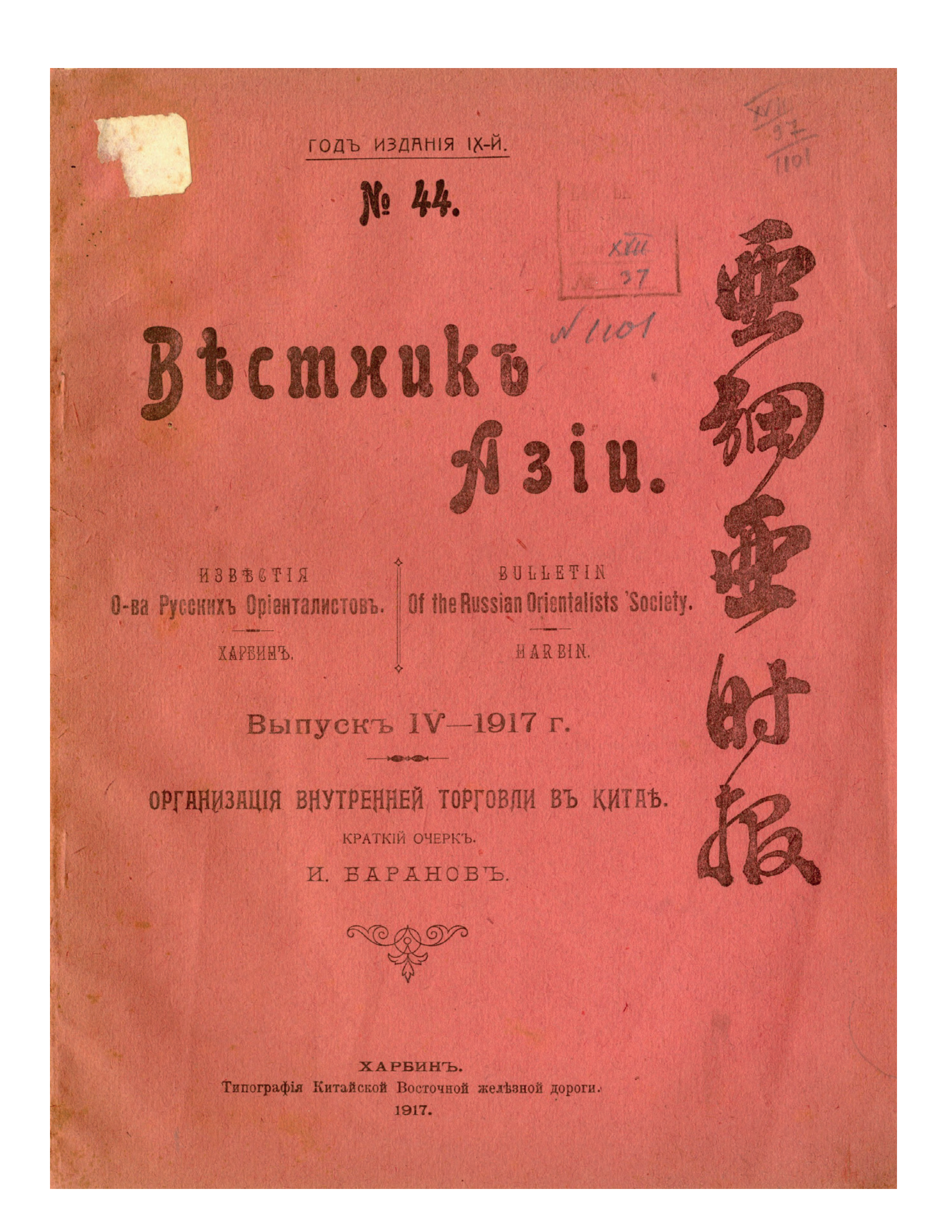
4 Автономов Н. Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк) // Вестн. Азии. 1926. № 53. С. 417.

5 Тюнин М.С. Указатель периодических изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. С. 24 - 25.

Ил.: Гарнизонная церковь в Харбине. Открытка.

империи отделение ОРО было основано 26 сентября 1910 г. В нем работали три секции: Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Первые итоги полугодовой деятельности ОРО таковы: «[...] установило тесное общение и сотрудничество с другими обществами, учреждениями и повременными изданиями, русскими и иностранными, преследующими цели, сходные или близко соприкасающиеся с целями ОРО. Общество имело пять общих собраний и 10 соединительных заседаний Правления и Совета, на которых был вырешен и частью уже приведен в жизнь ряд важных вопросов, например, организовано издание журнала «Вестник Азии» и издательство трудов членов О-ва, организован ряд рефератов и популярных лекций по востоковедению, предпринята разработка вопросов о положении офицеров, окончивших Восточный институт и не имеющих возможности, по независящим от них причинам, принести государству пользу своими специальными знаниями, об учреждении в Харбине Бюро торговых сношений с Палатой мер и весов (китайских и русских) при нем и другие» [6]

С особой гордостью харбинские востоковеды демонстрировали библиотеку, в которой было собрано 371 книга. Редкие издания подарили Г.Г. Авенариус, А.Ю. Ландезен, А.Т. Бельченко, А.П. Болобан, Д.М. Позднеев, П.В. Шкуркин и др. Особенно отмечали дар А.В. Гребенщикова, который передал библиотеке 25 книг и редких рукописей на маньчжурском языке, при этом профессор выразил пожелание об основании особого отдела маньчжуроведения..



Ил.: Обложка журнала

6 В обществе русских ориенталистов // Вестн. Азии. 1910. № 3 (Янв). С. 273.

Ил.: Харбинский железнодорожный вокзал. Открытка

Ил.: Харбин. Старый город. Первая православная церковь. Открытка

Члены ОРО в своих обсуждениях и исследованиях останавливались не только на теоретических вопросах. Доброловский предложил собирать материалы по пересмотру русско-китайского договора, заключенного в Санкт-Петербурге 12 февраля 1881 г. С этой целью он отпечатал копии договора и раздал бесплатно подписчикам журнала "Вестник Азии". Н.К. Новиков предложил открыть в Харбине семинарию восточных языков. 6 апреля 1910 г. по инициативе членов ОРО И.А. Доброловского, А.П. Болобана и других было учреждено Русско-японское общество. В него записалось около 80 человек. Его основной целью была организация курсов по русскому языку для японцев и по японскому языку - для русских.

Активность членов Общества русских ориенталистов со временем нарастала. На второй год своей деятельности они решили построить собственное здание, в котором планировали разместить библиотеку, музей и информационное бюро. Особым вниманием пользовалась идея создания собственного музея. Хотя до его оформления было далеко, А.П. Болобан передал в него старинные предметы и монеты, найденные на развалинах крепости Таченхото, М.А. Полумордвинов пожертвовал «буддийских идолов», а А.В. Гребенщиков - «каменный памятник с неизвестными письменами».

К огорчению ориенталистов, никак не решалась проблема координации их общества с местным отделением российского Общества востоковедения. Многие высказывали недоумение, почему нельзя слить две аналогичные организации в одну. И.А. Доброловский вышел с этим предложением к коллегам, но деятели общества востоковедения отклонили уже саму идею о создании согласительной комиссии по объединению.

Ил.: Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896-1923 гг. Т. 1. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923. Обложка.

Ил.: Харбин-Пристань. Район около набережной р. Сунгари. Открытка

Много сил занимал вопрос об открытии семинарии восточных языков. Я.Я. Бранд договорился с Российским посланником в Китае И.Я. Коростовцом о материальной поддержке будущего учебного заведения в 1200 рублей в год, но дальше этого дело так и не пошло. Несмотря на неимоверные усилия членов Совета, застопорилось и дело со строительством здания, но тут на помощь пришло правление КВЖД, которое предложило передать шесть тысяч рублей, накопленных ориенталистами, им, и на эти деньги возвести пристройку к Железнодорожному собранию для нужд ОРО.

Не стало хватать средств и на издательскую деятельность. Неоднократно прерывался выпуск журнала "Вестник Азии". Если 10-й номер вышел в октябре 1911 г., то номера 11-12 подписчики получили лишь в мае 1912 г. Затем пришлось отказаться от услуг дорогой типографии и сменить ее на другую - "Бергут и Сын", которая отпечатала № 14-15, увидевшие свет в феврале 1913 г. Последующие выпуски были небольшими как по тиражу, так и по объему, видимо, не доставало материалов. Начало первой мировой войны привело к снижению активности деятелей ОРО: некоторые ушли в действующую армию, другие занялись делами, далекими от востоковедения. Непременными членами Общества русских ориенталистов были и дипломаты, служившие в различных консульствах.

В Харбине Павел Васильевич был не только одним из основателей общества русских ориенталистов (ОРО), но и редактором его журнала «Вестник Азии» (№№ 37-40) и соредактором (№№ 48, 49 и 53). Почти все работы синолога вначале увидели свет на страницах этого журнала[1] . Первую статью, которая появилась еще в 1910 г., П.В. Шкуркин начинает так: «Наша дальневосточная пресса, обратив все свое внимание на внешние дела государств Дальнего Востока, уделяет слишком мало внимания внутренним делам главнейшего из них – Китая»[2] . Вторая публикация была переводом немецкой статьи, но Шкуркин не ограничился ролью переводчика и поместил необходимый комментарий, исправив ошибки автора [3].

Он проявил себя тонким аналитиком в статье «Переворот в Китае». «А, между тем, - пишет Шкуркин, - не будет парадоксальным мнение, высказываемое некоторыми живущими в Китае иностранцами, что события, совершающиеся в настоящее время на Востоке, могут иметь последствия более важные для политической жизни всего мира, чем даже то, что происходит теперь на Западе. Это положение может оказаться справедливым, прежде всего, для России, которая в силу географического положения гораздо более чувствительна к колебаниям политического термометра на Востоке, чем другие державы мира»[4].

---

1 Жернаков В.Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ, 1903 - 1973. Сан-Франциско, 1973. С. 20.

2 Шкуркин П.В. Упразднение религии в Китае // Вестн. Азии. 1910. № 3. С. 51.

3 Шкуркин П.В. Художественная выставка в Китае. 2450 лет назад: Ист. Драма времен династии Чжоу // Вестн. Азии. 1910. № 6. С. 94.

4 Шкуркин П. Переворот в Китае // Вестн. Азии. 1916. №

Ил.: Управление Китайско-Восточной железной дороги, где некоторое время находилось Общество русских ориенталистов. Открытка.

Отличительной чертой П.В. Шкуркина было и то, что он рассматривал политическое положение в регионе комплексно и пытался предугадать влияние того или иного явления на будущее. «Дальний Восток, - пишет он, - сделается даже не очагом, а целым вулканом нескончаемых распрей и столкновений. Мыслимо ли будет при таких условиях мечтать о будущем дружном соседском сожительстве с Японией и мирной работе при взаимной поддержке? В отношение же Китая – у каждого, знакомого с историей Востока и знающего современное положение вещей, невольно сложится убеждение, что начинается переоценка материальных, политических и исторических ценностей на Востоке; и горько будет сожалеть тот, кто не предъявит к оплате свои счета теперь, в тот момент, когда муза истории ставит точку над самостоятельным существованием древнейшей и величайшей в мире нации»[5] .

Диапазон интересов П.В. Шкуркина был велик. В частности, он публикует статью, в которой анализирует китайские источники по нумизматике[6]. «В недалеком будущем, - отмечается в ней, - автор настоящей заметки предполагает издать краткий справочник по истории всех стран Востока, находившихся под культурным влиянием Китая, с указанием нянь-хао (эр правления), что должно значительно облегчить труд нумизматов» [7].

37, кн. 1. С. 1.

5 Шкуркин П.В. Японско-китайский конфликт: (Докл. в ОРО). Харбин: Тип. КВЖД, 1915. С. 25.

6 Шкуркин П.В. Нумизматическая заметка // Вестн. Азии. 1916. № 40. С. 28 – 32.

7 Там же. С. 29.

В Харбине он еще раз встретился с В.К. Арсеньевым, которого пригласили в ОРО прочитать цикл лекций. За год до этого В.К. Арсеньев подарил Шкуркину книгу о китайцах, живших в Уссурийском крае. На ней есть такая дарственная надпись: «Павлу Васильевичу Шкуркину от искренне преданного и уважающего его автора, много обязанного переводами китайских рукописей на русский язык, которые имеются в этой книге»[8].

Лекции Арсеньева в Харбине прошли с успехом 6-15 июня 1916 г. Всем очень понравились выступления хабаровчанина. «Общество русских ориенталистов в Харбине, - говорил тогда П.В. Шкуркин, - поставив себе в число задач также исследование Дальнего Востока во всех отношениях, конечно, не могло не следить с сердечным удовлетворением за плодотворной деятельностью Владимира Клавдиевича; ныне, дабы дать возможность, по мере сил, и широкой публике ознакомиться с некоторыми результатами работ и путешествий Владимира Клавдиевича, президиум Общества русских ориенталистов просил Владимира Клавдиевича прибыть в Харбин прочесть несколько лекций. Владимир Клавдиевич любезно откликнулся на это приглашение, и сегодня вы, милостивые государи и государыни, присутствовали на 5-й лекции многоуважаемого лектора. Общество русских ориенталистов, считая нравственным долгом засвидетельствовать Владимиру Клавдиевичу искреннюю благодарность и уважение как за его научные работы и исследования, так и за его отзывчивость в деле ознакомления широких слоев путем чтения лекций и сообщений, в своем заседании 13 июня единогласно постановило: просить многоуважаемого Владимира Клавдиевича принять звание почетного

8 Б-ка В.В.Шкуркина. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этногр. Хабаровск: Тип. канц. Приамур. ген.-губ., 1914. 203 с., табл., 22 л. ил., 5 л. карт.; Рез. на фр. языке, с. 1-4. Прил.: Китайские иероглифические обозначения. 1 л. / Зап. ПОИРГО. 1914. Т. 10, вып. 1.

Ил.: Харбин. Китайская ул. Открытка.

Харбинъ.—Charbin № 13.
Новый городъ. Соборъ Св. Николая.

Ил.: Харбин. Свято-Николаевский собор. Открытка.

члена Общества русских ориенталистов»[9] .

Тогда же Арсеньев дал Шкуркину на рецензию свою рукопись «Дерсу Узала». 20 мая 1917 г. Павел Васильевич написал к ней свое «Необходимое предуведомление». 13 февраля 1923 г. во владивостокском музее Общества изучения Амурского края Арсеньев сделал на только что изданной книге дарственную надпись, адресованную Шкуркину [10]. Дружба Арсеньева и Шкуркина продолжалась многие годы, свидетельством этого является наличие нескольких книг синолога в личной библиотеке В.К. Арсеньева[11].

Окончательно сбыться планам членов ОРО помешала Гражданская война. Хотя многие члены ОРО и отошли от научной работы, на смену им пришли бежавшие из Советской России эмигранты, некоторые из них были в царской России известными востоковедами. В то время Общество размещалось в Харбине в двух комнатах Железнодорожного собрания, одна из которых служила лекционным залом. Новые члены Общества оживили работу: чаще стали устраиваться собрания, где читались интересные лекции и доклады.

Окончание Гражданской войны, с одной стороны, вернуло востоковедов к мирной жизни, а с другой - добавило в ряды ОРО группу российских ученых, вынужденных покинуть Родину. Единственным местом в Маньчжурии, где они могли обменяться мнениями, обсудить насущные проблемы ориенталистики, оставалось Общество русских ориенталистов.

9 Шкуркин П.В. (Выступление) / Археография: Памятники старины в Уссурийском крае и в Маньчжурии: Кр. содержание // Вестн. Азии. 1916. Т. 38-39, кн. 2-3. С. 344 - 345.

10 Собр. В.В. Шкуркина. Арсеньев В.К. Дерсу Узала. Из Воспоминаний о путешествии по Уссурийскому Краю в 1907 г. Владивосток: типо-литогр. Т-ва изд. «Свободная Россия», 1923. автограф: «Дорогому Павлу Васильевичу Шкуркину от автора. В. Арсеньев. 13. 2. 1923. Г. Владивосток. Музей». Дэрчю-Одзял (по транскрипции Лопатина)»

11 Б-ка ОИАК (Владивосток): Шкуркин П. Японо-китайский конфликт. Харбин: тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. 1-25 с. [Автогр. отсутств.]. Инв. № 17272; Шкуркин П., действ. чл. О-ва Рус. ориент. Китайские сказки. С кит., из собр. L.Wieger'a. Вып. 1. Отд. оттиск из «Вестника Азии» за 1914-15 г. Изд. О-ва Рус. ориент. в Харбине. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. С. 1-48. Б-ка ОИАК. Инв. №. 17577. На тит. листе автограф «Глубокоуважаемому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву от всегда вспоминающего автора».

Ил.: П.В. Шкуркин среди основателей Народного университета в Харбине. Ноябрь. 1923. Фото «Новости жизни».

Ил.: Вывеска Института ориентальных и коммерческих наук. Из архива В.В. Шкуркина.

Нельзя не сказать еще об одном начинании А.П. Хионина, П.В. Шкуркина и других членов ОРО. Понимая, что в условиях изоляции от российской отечественной науки и образования будет трудно выжить, он решил с группой единомышленников из Общества русских ориенталистов основать в Маньчжурии Институт ориентальных и коммерческих наук. В весьма скромной обстановке учебное заведение было открыто в Харбине в 1925 г. Управление институтом осуществлялось тремя органами: правлением, дирекцией и академическим советом. А.П. Хионин единогласно был избран директором (деканом) института.

В институте было два факультета: ориентальный (восточно-экономический) и коммерческий. В основном упор делался на практическое знание китайского, японского и английского языков. Общими для факультетов были такие предметы, как английская корреспонденция, языковедение, география и история Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета, коммерческо-экономическая география стран Дальнего Востока, экономика Маньчжурии, Сибиреведение, история европейской культуры, проблемы Тихого океана, государственное устройство Дальнего Востока, история торговли, коммерческая корреспонденция, коммерческие и банковские вычисления, высшая математика, страховое дело, товароведение, история и теория кооперации, статистика, политическая экономия, государственное право, общее международное право, финансовое право, железнодорожное право, уголовное право, основные положения китайского и гражданского права. Обучение в институте велось по программе и учебникам Восточного института во Владивостоке. "Действительными" студентами были лица, имеющие законченное среднее образование, но имелись и вольнослушатели - без оного. На второй год существования института занятия посещали 70 студентов, а через пять лет их стало 200. Всего же за десять лет через институт прошло около 750 человек[1].

Помимо А.П. Хионина и П.В. Шкуркина профессорами и преподавателями института являлись А.И. Андогский (железнодорожное право, финансовая наука), М.П. Головачев (общая теория права и государства, международное право, проблемы Тихого океана, Ф.Ф. Даниленко (история материальной и духовной культуры Востока, история китайской литературы и общественной мысли), Г.Я. Маляровский (сибиреведение, история торговли, статистика), В.Д. Маракулин (политическая экономия и история экономических учений, экономика транспорта и промышленности), Н.К. Новиков (китайский язык, политическая организация стран Дальнего Востока), В.Г. Павловский (общее языкознание, логика), С.В. Щировский (китайский язык) и др[2]. Библиотека ОРО была бесплатно предоставлена в распоряжение студентов института.

Хотя профессора Института ориентальных и коммерческих наук не могли пожаловаться на то, что их питомцы не могут найти работы, они задумали провести реорганизацию. Это произошло после отъезда П.В. Шкуркина. Основной причиной этого стала оккупация Маньчжурии японцами, которые сразу же захотели взять учебный процесс в свои руки. Профессора во главе с Хиониным решили уйти под крыло православной церкви и 23 сентября 1934 г. Институт

1 Г.К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник: Юбилейный сб. 1969 - 1979. № 10. Сидней: Изд. Объединения инженеров окончивших Харбинский политехнический ин-т, 1979. С. А-7.

2 Профессорско-преподавательский состав // Вестн. Азии. 1926. № 53. С. 410 - 411.

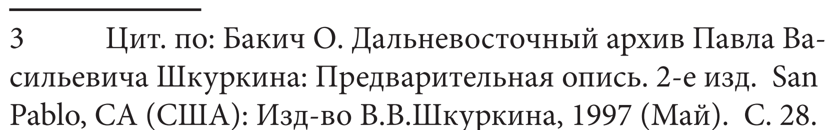
ориентальных и коммерческих наук влился на правах восточно-экономического факультета в институт имени Святого Владимира, официальным ректором которого числился архиепископ Мелетий. А.П. Хионин стал деканом факультета.

С августа 1915 по июль 1928 гг. Павел Васильевич работал преподавателем Харбинских коммерческих училищах КВЖД. В характеристике, выданной ему, отмечалось: «Был блестящим преподавателем 13 лет, организовал кружок востоковедения среди учащихся, без материальной помощи создал в училище настоящий музей»[3]. Одновременно он преподавал востоковедение и экономическую географию в Первом смешанном реальном училище (сент. 1920 – сент. 1926) [4] и на курсах китайского языка, а также был лектором на курсах востоковедения, организованных в учебном отделе КВЖД.

В летние каникулы Павел Васильевич путешествовал по Маньчжурии, иногда приезжая в Приморье. Он старался дополнить имеющиеся у него материалы и подготовить свои книги к изданию. Так, однажды он побывал в Адими, недалеко от Славянки, где записал корейские сказки[5].

В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «В этом труде я постарался сохранить, иногда в ущерб художественности, манеру рассказчика, не смея нарушить цельности повествования выпуском хотя бы излишних деталей и длиннот, предназначая эти сказки главным образом не для широкой публики, а для востоковедов и ВОСТОКОЛЮБОВ (выд. П.Ш. - Авт.)» [6].

Ил.: П.В. Шкуркин в Харбине. Середина 1920-х гг.



3 Цит. по: Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. 2-е изд. San Pablo, CA (США): Изд-во В.В.Шкуркина, 1997 (Май). С. 28.

4 Собр. В.В.Шкуркина. Аттестация директора А. Андогского от 10 апр. 1926.

5 Шкуркин П.В. Корейские сказки / Рис. и обл. худ. И. Герасимова. Шанхай: Типогр. изд. «Слово», 1941. III-IV, 253 с. (Список трудов П.В.Шкуркина - с. 251-253).

6 Там же. С. IV.

Ил.: Преподаватели и студенты Института ориентальных и коммерческих наук. Харбин, 1928.

Ил.: На занятиях китайского языка в Харбинском коммерческом училище.

С открытием в 1925 г. в Харбине Института ориентальных и коммерческих наук он стал читать там лекции по географии и истории Востока, являясь одновременно исполняющим делами профессора по этим кафедрам. В это время Шкуркин проявил себя и как автор первых учебников по востоковедению[1] . Интересно, что после установления японского влияния в Маньчжурии учебник Шкуркина запретили в 1940 г. к использованию [2].

Безусловно, Павел Васильевич Шкуркин внес большой вклад в исследование истории и культуры Китая. Его перу принадлежат несколько интересных работ по этим темам. «Отнюдь не задаваясь целью написать историю Китая, - писал он, - я желал, по мере сил и возможности, познакомить русских читателей, в общих чертах, с некоторыми периодами истории Китая и его народа не только в освещении официальной китайской истории, но и на основании «дикой» истории, а также исторических рассказов и записок. Кроме того, вряд ли история какого-либо другого народа породила так много легенд и преданий, как история китайская. Отделить историю от предания или легенды иногда не так легко, а для цели, поставленной мною, - этого и не нужно: наоборот, легенда часто служила для меня элементом, связующим несколько исторических эпох или моментов. Там, где исторические данные не сходились с легендой, я это разногласие не только не затушевывал, но, наоборот, подчеркивал» [3].

Основанные на редких источниках, работы Шкуркина часто содержали народные легенды и сказания, записанные им во время экспедиций. О своем оригинальном методе повествования синолог рассказывал в предисловии к одной из своих работ: «Но эта история вместе с тем своеобразна, на наш взгляд, странна и часто непонятна рядовому читателю. Поэтому, чтобы избежать пространных и скучных толкований, автор настоящих очерков избрал следующий метод: он берет какую-либо крупную историческую фигуру, вокруг которой, как около оси, вращаются события того времени»[4] .

Интересными являются и работы Шкуркина по этнографии. К сожалению, они малоизвестны современным исследователям. Общепризнанной является деятельность П.В. Шкуркина и как популяризатора знаний о Китае, и как автора литературных произведений. С 1910 по 1926 гг. вышли в свет более десяти его книг, посвященных китайским сказкам и увидевших свет в основном в Харбине. В предисловии к «Китайским сказкам» востоковед пишет: «Нужно всегда иметь в виду еще то обстоятельство, что китайские сказки в огромном большинстве случаев вовсе не является плодом личного вымысла их авторов. Китайская сказка почти всегда представляет только иную группировку, пересказ в другой форме тех понятий и представлений, которые издавна живут в народе. Поэтому и отношение к сказке в Китае совсем иное, чем

1 Шкуркин П.В. Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени). Харбин: Изд. ОИМК, тип. «Заря», 1925. 170 с.: прил.

2 Шкуркин П.В. Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени). Харбин: Изд. ОИМК, тип. «Заря», 1925. 170 с.: прил.

3 Шкуркин П.В. Легенды в Китайской истории. Предисловие. С. 5 – 6.

4 Шкуркин П.В. Предисловие // Шкуркин П.В. Картины из древней истории Китая. Харбин, 1927. С. 1.

у нас: китаец почти верит в сказку, и относится к ней всегда с известным почтением»[5].

Восхищение культурой Китая пронизывало почти все произведения П.В. Шкуркина, который писал: «Европейцы искренне верили и верят, что они несут цивилизацию на Восток, не подозревая, что их цивилизация является крохотным, слабым, грудным ребенком по сравнению с пожилым, многоопытным мужем – цивилизацией Востока. […] никогда мы здесь не добьемся прочного успеха ни в каких делах, если самым серьезным образом не будем изучать жизни, верований, философии, души китайца, со всеми их странностями и уклонами, непонятными для нашего европейского примитивного взгляда на Китай и поверхностного мышления о Востоке»[6]. Именно поэтому Шкуркин начинает изучение даосизма.

Труды П.В. Шкуркина не получили большого признания у именитых советских ученых. Надо отметить, что в те годы научная школа Восточного института особо не отмечалась и о ней говорили только как о имеющей практическое значение. Ученые Санкт-Петербурга-Ленинграда справедливо критиковали дальневосточных ученых за многие огрехи. В основном замечания касались теоретических разработок [7].

Ученики Шкуркина отмечали, что его лекции всегда были яркими и интересными. При этом он оставался большим патриотом России, подчеркивая приоритет русских ученых и путешественников в области географических открытий. Шкуркин много работал над составлением археологических карт и в 1917 г. опубликовал свою работу «Исторические таблицы Китая в красках». Продолжив работу, на следующий год он издал «Справочник по истории Китая». Вскоре все работы были обобщены в отдельном фундаментальном труде.

Вместе с известным востоковедом А.М. Барановым Павел Васильевич составил первую карту исторических периодов Маньчжурии. Ее достоинством являлось то, что она была основана на результатах последних археологических раскопок, которые вели члены Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд так и не был опубликован и до недавнего времени хранился в музее Хэйлунцзянской провинции[8] . Помимо этого, совместно с харбинским издателем М. Зайцевым Шкуркин издал карту Китая (1926-27). Для читателей она была удобна в использовании в связи с большим индексом имен. (21 с.)

Во время Гражданской войны П.В. Шкуркин несколько раз приезжал в Приморье. У него был небольшой участок земли по р. Адими, недалеко от Славянки[9] . Вероятно, он был куплен еще в то время, когда Шкуркин много ездил в этом районе, густо населенном корейцами.

Живя в Китае, Павел Васильевич поддерживал отношения со своими коллегами из Хабаровска. Он согласился на их предложение вступить в члены Дальневосточного краевого отдела Русского географического общества в Хабаровске и 1 апреля 1926 г. получил членский билет[10] . Когда хабаровчане обратились к нему с просьбой прислать для публикации свои научные труды [11], он с удовольствием откликнулся и пообещал это сделать, но не успел: настали времена, когда в СССР оказалось невозможным публиковать труды заграничных ученых. В категорию «заграничных» попал и П.В.Шкуркин, несмотря на то, что его имя значилось в справочнике «Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. М.-Л., 1928».

5 Шкуркин П.В. Предисловие // Шкуркин П.В. Китайские сказки / Пер. с кит., из собр. L.Wieger'a. Вып. 1. Харбин: Изд. ОРО, тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. С. 4.

6 Шкуркин П.В. Путешествие восьми бессмертных за море: Даосское сказание. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1926. С. 3, 5.

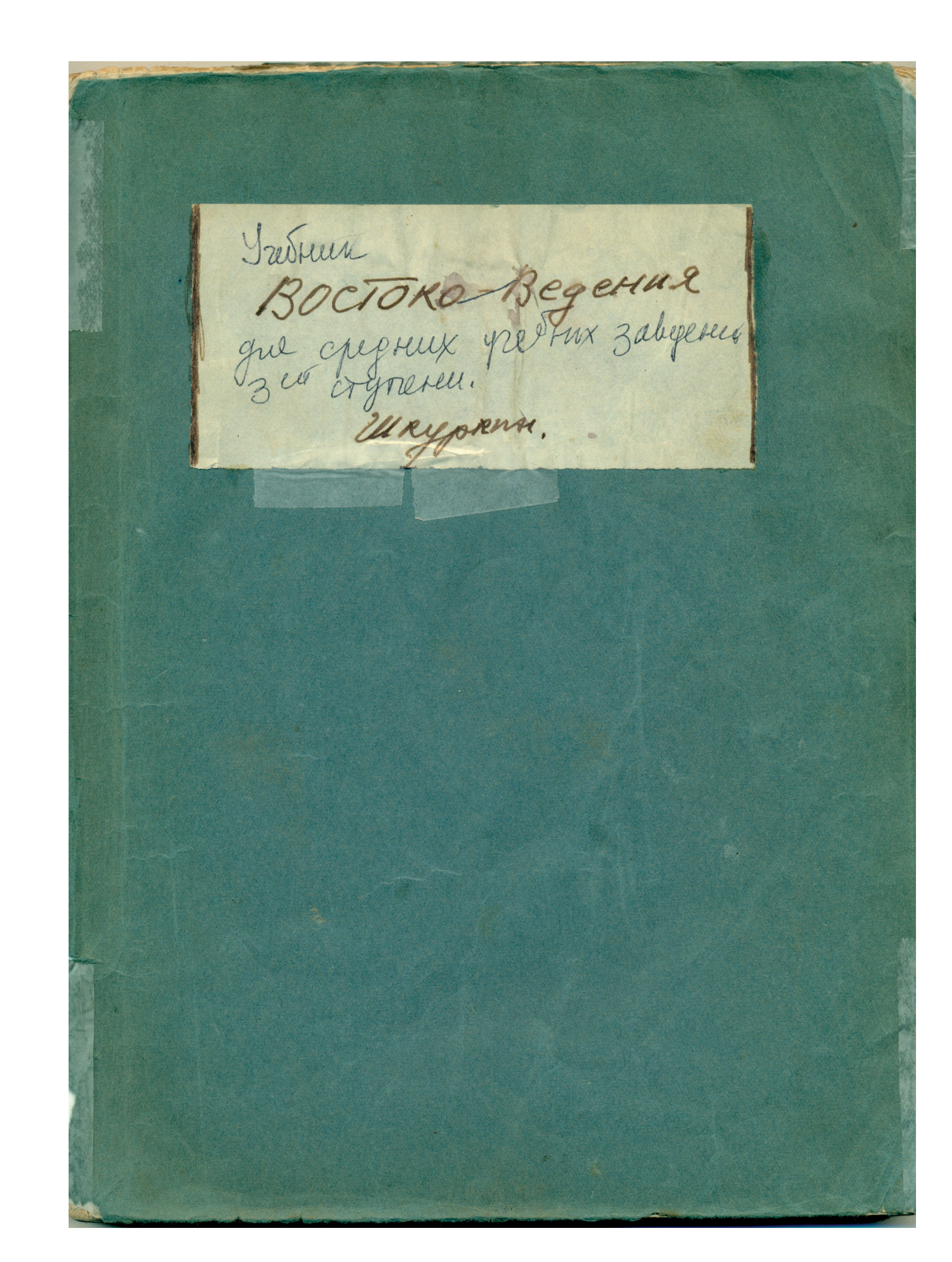
7 Алексеев В.М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1982. С.313.

8 Жернаков В.Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ. 1903 - 1973. Сан-Франциско, 1973. С. 20.

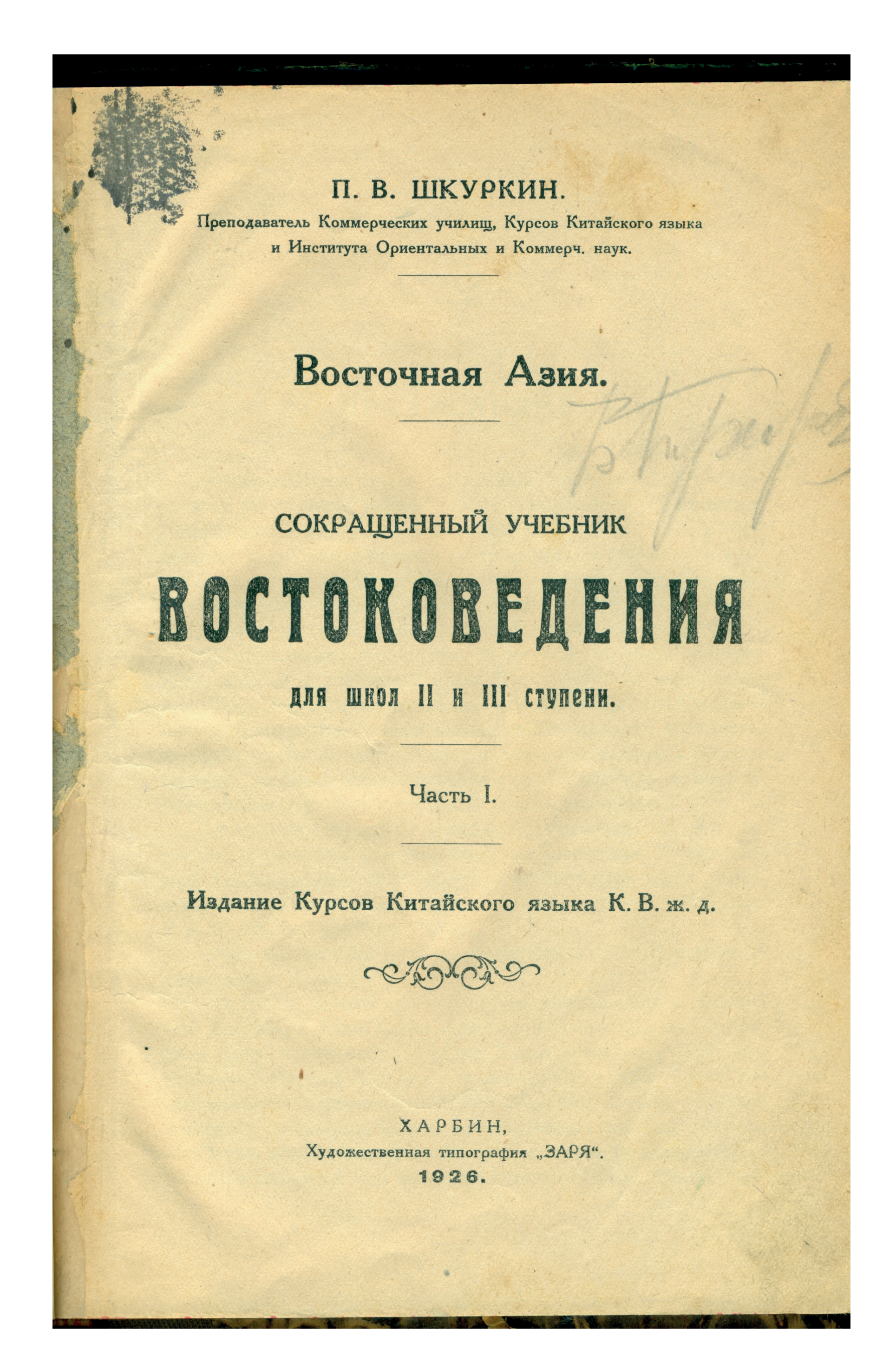
9 Собр. В.В. Шкуркина. условие об аренде от 2 июля 1921.

10 Собр. В.В. Шкуркина. Членский билет № 65 от 1 апр. 1926.

11 Собр. В.В. Шкуркина. Письмо № 412 от 4 апр. 1927. Хабаровск.



Ил.: Обложка книги. Частная коллекция.



П. В. ШКУРКИН.
Преподаватель Коммерческих училищ, Курсов Китайского языка и Института Ориентальных и Коммерч. наук.

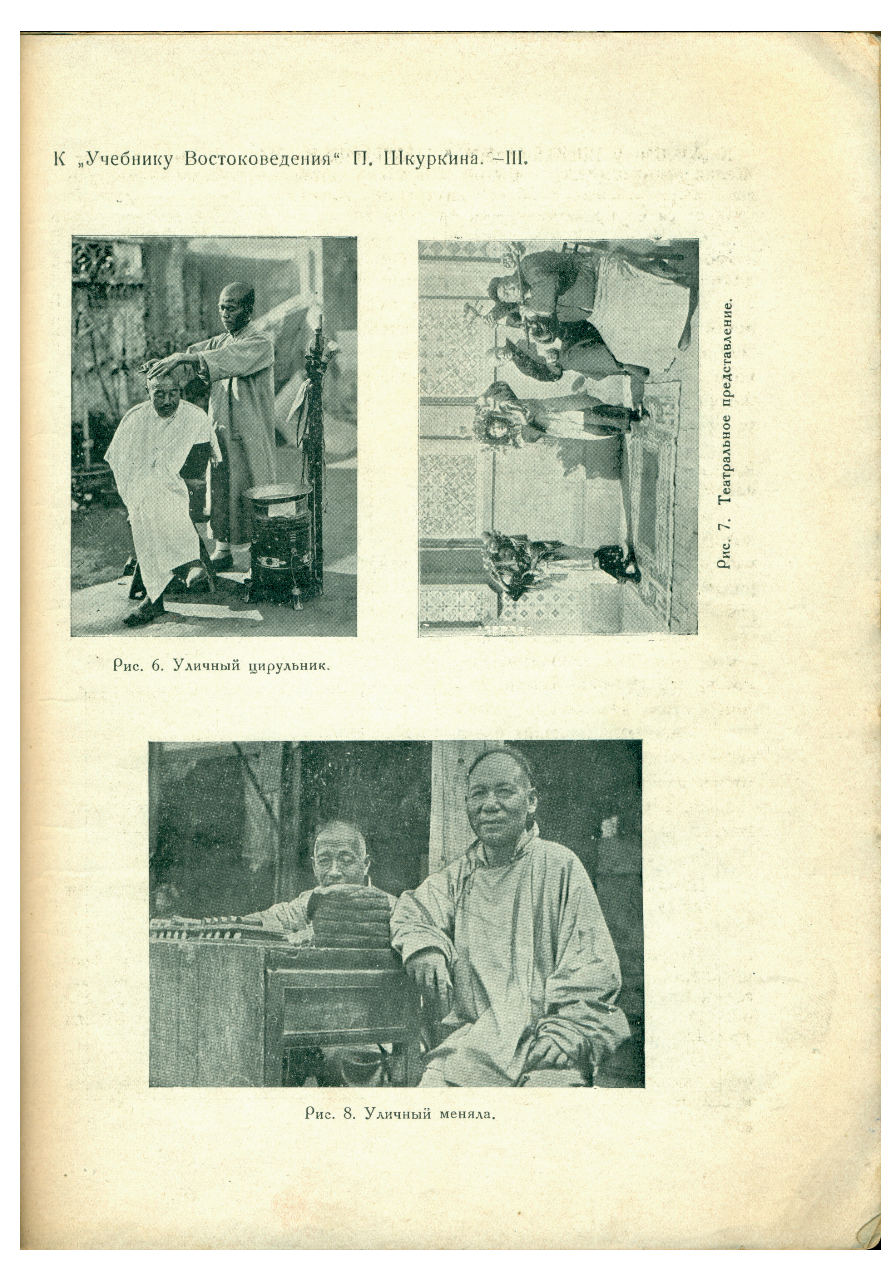
Восточная Азия.

СОКРАЩЕННЫЙ УЧЕБНИК
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
для школ II и III ступени.

Часть I.

Издание Курсов Китайского языка К. В. ж. д.

ХАРБИН,
Художественная типография „ЗАРЯ".
1926.

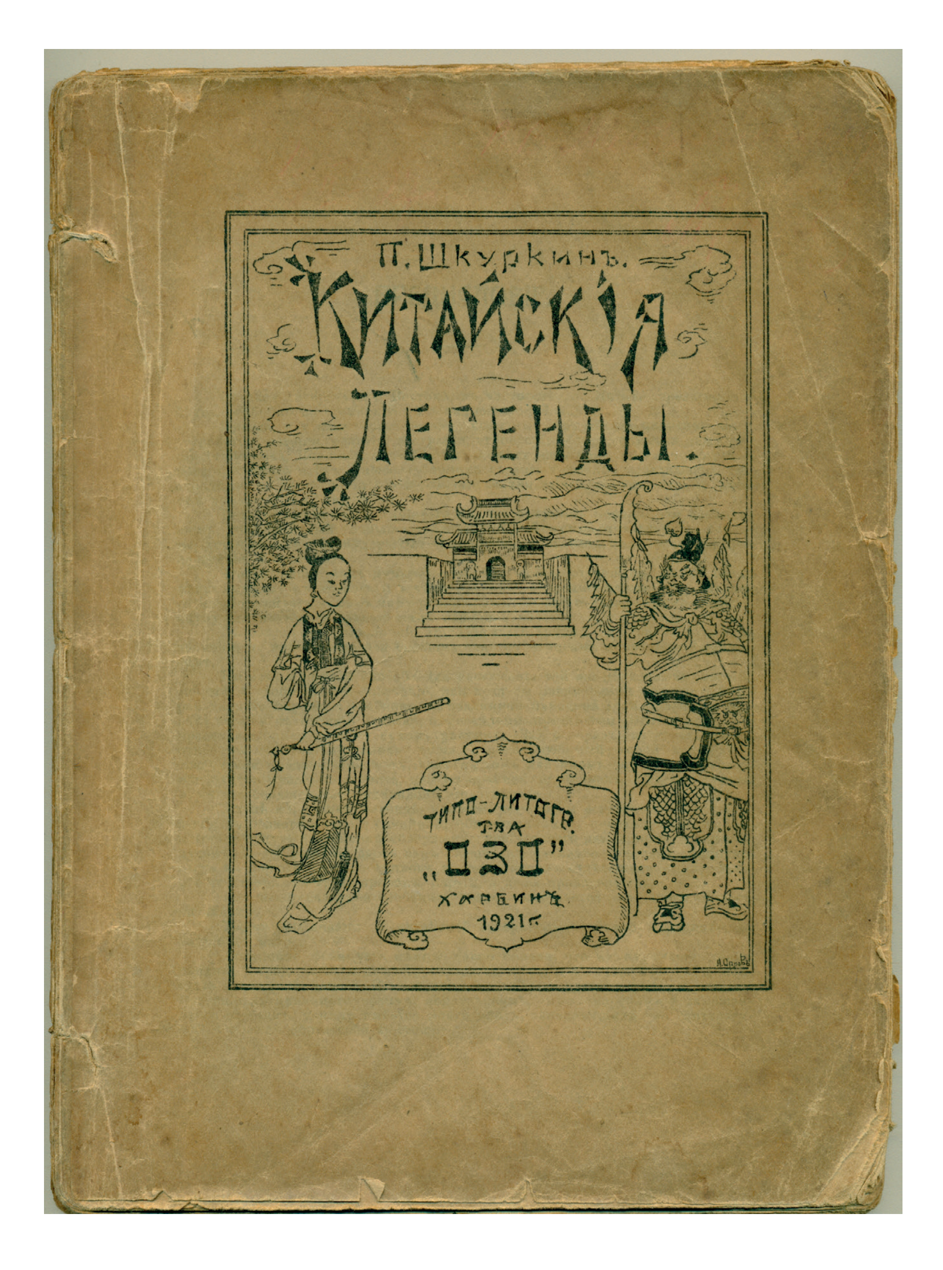


К „Учебнику Востоковедения" П. Шкуркина. –III.

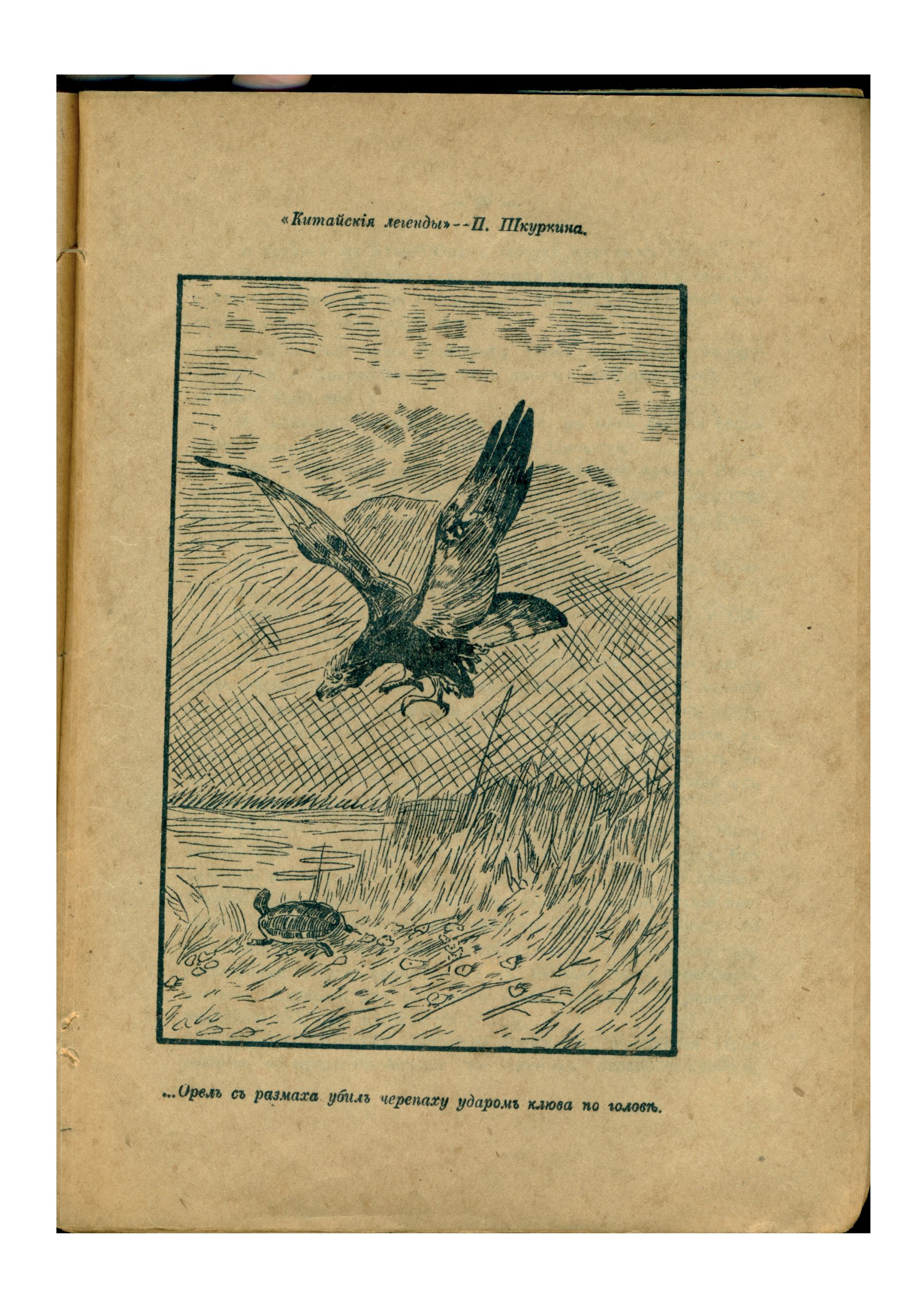
Рис. 6. Уличный цирульник.

Рис. 7. Театральное представление.

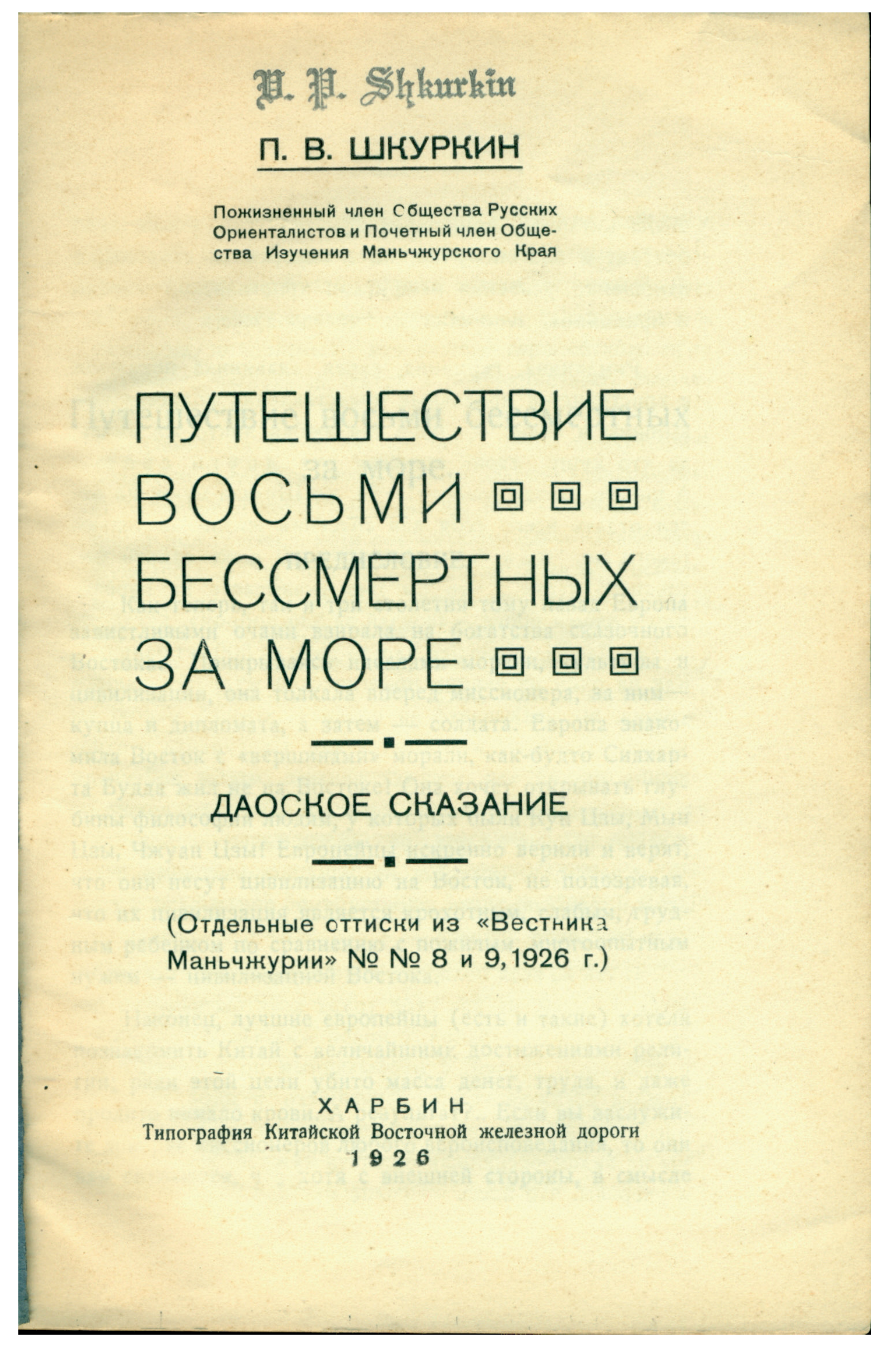
Рис. 8. Уличный меняла.



Хуа-то дѣлаетъ операцію Гуань-ди.



...Орелъ съ размаха убилъ черепаху ударомъ клюва по головѣ.



Среди основателей Общества изучения Маньчжурского края

Строительство КВЖД ускорило экономическое развитие Маньчжурии, большого региона, который до 1898 г. оставался крайне отсталым. В честь 25-летнего юбилея дороги было решено создать Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК) с музеем, который стал подлинным научно-краеведческим центром, объединившим многих энтузиастов. Это Общество просуществовало всего шесть лет, но сделало очень много. Среди его основателей помимо русских исследователей Э.Э. Анерта, П.Н. Меньшикова, А.В. Спицына, Б.В. Скворцова, П.В. Шкуркина и др. было немало китайцев. Задумывая создать полновесное научно-просветительское общество с музеем и библиотекой, они взяли за основу Владивостокское Общество изучения Амурского края (ОИМК), позаимствовав отчасти и название. 22 сентября 1922 г. устав ОИМК был утвержден китайскими властями. Вскоре от имени учредителей было составлено циркулярное письмо, в котором говорилось: «Всем известно, какое огромное культурное и просветительское значение имеют выставки и музеи не только в отношении повышения общего уровня культуры, но и развития рациональных методов работы, делового практического настроения, которое является непременным залогом успеха в хозяйственной и интеллектуальной жизни. Все это побудило группу лиц взять на себя инициативу создания в Харбине Общества изучения Маньчжурского края, главной целью которого является использование и объединение всех культурных сил края». 29 октября 1922 г. состоялось первое общее собрание, в котором приняли участие 105 человек. Этот день и считается днем основания ОИМК[1].

Деятели Общества русских ориенталистов понимали, что трудно заниматься наукой в одиночку, и А.П. Хионин стал вести переговоры с Обществом изучения Маньчжурского края. ОИМК воплотило в жизнь многие чаяния востоковедов. Оно основало в Харбине прекрасный музей, собирало библиотеку и организовывало путешествия по Маньчжурии. Правда, его деятельность носила больше естественно-научное направление, но многие деятели ОРО были и членами Общества изучения Маньчжурского края. Поэтому объединение произошло без всяких проблем. Оно позволило не только сохранить накопленный опыт, но и сконцентрировать усилия по изучению Востока. По взаимному соглашению ОРО, став секцией ориенталистов, сохраняло полную самостоятельность, имея полное право на свою собственность и издательскую деятельность. Председателем секции стал А.П. Хионин, на которого и были возложены все переговоры с ОИМК.

Деятелями ОИМК были известные исследователи и краеведы русской Маньчжурии А.А. Болотов, Н.В. Борзов, В.В. Ламанский, М.С. Тюнин, П.В. Шкуркин. В основном, изучением Китая занимались члены историко-этнографической секции, которой руководил А.М. Баранов. Главными задачами своей секции он считал сбор и хранение этнографического материала Северной Маньчжурии, которая когда-то была населена представителями самых разнообразных племен, частью маньчжурских, частью монгольских, пока эти бесценные материальные источники не попали под влияние вновь пришедших людей. После смерти Баранова эту работу продолжил П.В. Шкуркин. В этот период большое внимание обращалось на изучение культурного развития края. Члены секции регулярно читали доклады, которые затем обсуждались слушателями. Большинство работ публиковалось в «Известиях Общества изучения Маньчжурского края». «Три культуры, - писала редакция в первом номере, - должны встретиться в работе О-ва, а, следовательно, найти отражение в «Известиях»: китайская, русская и маньчжурская. И верим мы, «Известия» помогут всем культурным силам края найти общий язык и дружными усилиями пойти к единой цели, к всестороннему изучению местного края». Всего вышло 10 выпусков «Известий ОИМК», также было издано 10 трудов, 12 выпусков по экономике. Первым отдельным изданием, увидевшим свет, была книга А.И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции». Всего же ОИМК издало более 200 работ своих членов. Историко-этнографическая секция беспокоилась о сохранности древних памятников Маньчжурии и после детального обследования решила провести их регистрацию [2].

Так как ОИМК собрало под своим крылом не только энтузиастов изучения Маньчжурии, но и многие общественные организации Харбина, это отразилось на фондах ее библиотеки. «Книжный состав библиотеки ОИМК, - писал А.А. Рачковский, - значительно пополнился присоединением библиотек Общества ориенталистов и Маньчжурского сельскохозяйственного общества. В связи с основанием в Харбине Центральной библиотеки КВЖД, имеющей большие материальные возможности и специальное здание, наша библиотека, во избежание параллелизма в работе и ради сохранения небольших своих средств была реорганизована. Весь книжный фонд библиотеки был пересмотрен, в ней оставлены следующие издания: а) книги и брошюры о Маньчжурии и соседних областях. Б) справочные, классические и фундаментальные научные сочинения по тем отраслям знания, в направлении которых по преимуществу развивается деятельность ОИМК, в) словари, энциклопедические и языков, г) обменные издания ученых учреждений и обществ, краеведческих организаций и д) научные периодические издания» [3].

Основным детищем создателей ОИМК был музей, открытый 11 ноября 1923 г. Музей ОИМК был посвящен природе, быту, экономике и культуре Маньчжурии. Особой гордостью его создателей был «Этнографический отдел, расположенный во втором этаже, занимал пятый зал и часть шестого зала. В пятом зале находился подотдел восточно-азиатского искусства. Здесь находились фарфоровые и фаянсовые вазы, различная посуда, клаузонэ, изделия из нефри-

1 Исполнительное бюро. Циркулярно // Изв. ОИМК. 1922. № 1 (нояб.).

2 Баранов А. Регистрация памятников в Маньчжурии // Изв. ОИМК. 1923. № 3 (июнь). С. 37 – 40.

3 Рачковский А.А. Шесть лет // Изв. ОИМК. 1927. № 7 (дек.). С. 5.

та, слоновой кости весьма художественной работы. В подотделе религиозных культов были интересны две витрины с алтарями ламаитского и китайского буддизма, коллекции по даосизму и шаманиизму, и коллекция по ламаитской иконографии. Подотдел был представлен рядом коллекций, посвященных быту китайцев, маньчжур, монголов, ороченов, солонов, и даур. Находились там коллекции мандаринских халатов, маньчжурской одежды и обуви, монгольской одежды, китайских музыкальных инструментов, игрушек, игр, домашней утвари»[4].

4 Харбинский музей: (Ист. очерк) // Политехник: Юбил. сб., 1969 - 1979. Сидней, 1979. № 10. С. 152.

Ил.: П.В. Шкуркин среди основателей Общества изучения Маньчжурского края. Харбин, 1922.

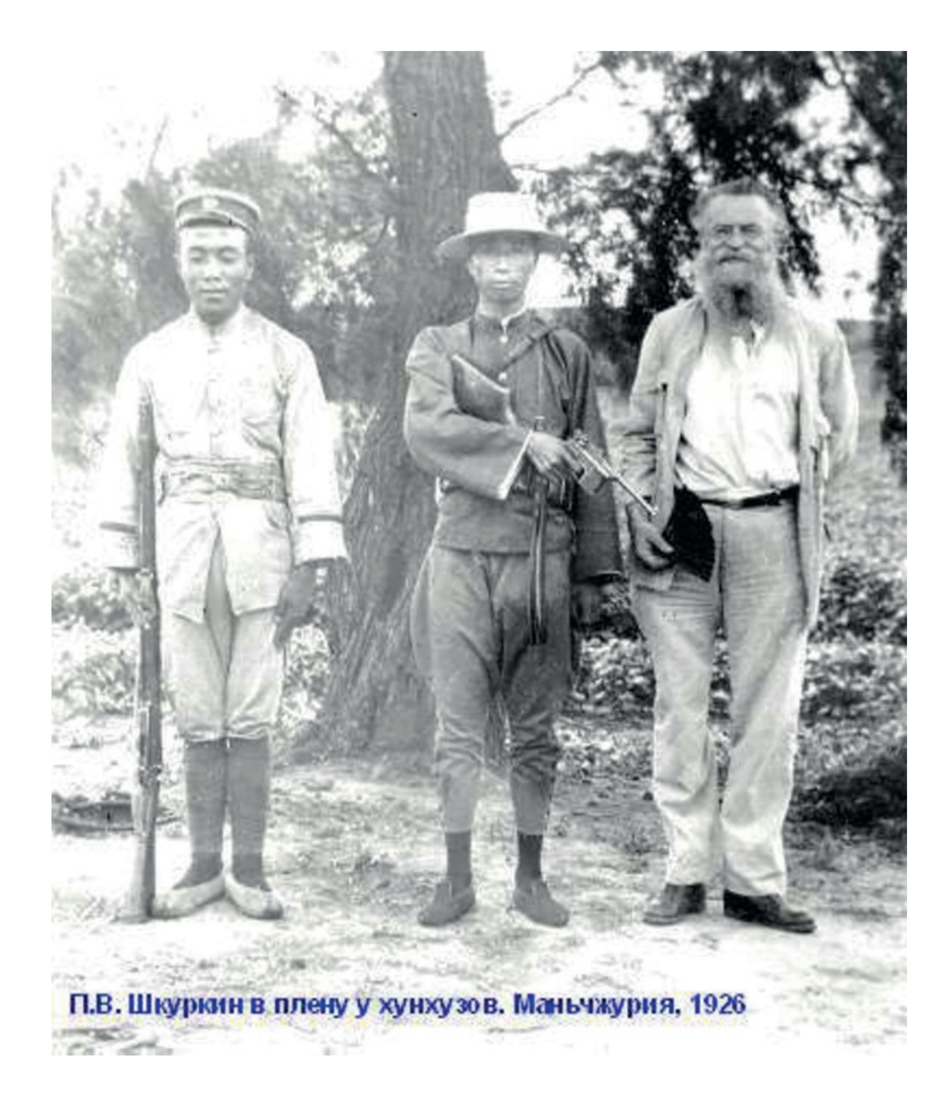
Ил.: П.В. Шкуркин среди деятелей Общества изучения Маньчжурского края в Харбине. 1924.

В феврале 1929 г. ОИМК было закрыто китайскими властями. Формальной причиной этого было его «преобразование» в Общество изучения культурного развития Особого района Восточных провинций (ОРВП), членами которого могли быть только китайцы. Так закончилась одна из важных страниц исследования Маньчжурии.

Ил.: Музей Общества изучения Маньчжурского края в Харбине.

В свободное время П.В. Шкуркин совершал поездки, которые не всегда были безопасными. Однажды ему пришлось побывать в серьезной переделке. Вот что писала по этому поводу харбинская газета «Заря»: «При объяснении с бандитами г. Шкуркин проявил полное спокойствие, назвал себя, перечислил ряд имен, бывших его учениками, объяснил свои цели и даже показал свою визитную карточку, сказав, что за 38 лет своей работы в Китае он подобного разбойного безобразия не видел. Хладнокровие обескуражило бандитов, а затянувшийся диалог свидетельствовал о воцарявшемся мире. Заметив растерянность разбойников, Шкуркин предложил сфотографировать их, что и выполнил Полумордвинов, запечатлевший на пленке товарища председателя историко-этнографической секции в компании двух разбойников...»[1].

Нет нужды говорить о том, что П.В. Шкуркин не принял советскую власть. Он с тревогой писал о распространении коммунистических идей в своей рукописи «Может ли в Китае привиться коммунизм»[2].



Ил.: П.В. Шкуркин. 1926. Из собр. В.В. Шкуркина.

1 Научная экскурсия с приключением // Заря. Харбин, 1926. 21 авг.

2 Hoover Institution Archives (США). Shkurkin P.V.

Ил.: Первые русские беженцы в Сиэтле.

Ил.: П.В. Шкуркин. Сиэтл. 1929. Из архива В.В. Шкуркина.

В январе 1927 г. старый синолог подал прошение американскому консулу на выезд в Сиэтл к своему сыну-художнику Владимиру Шкуркину и осенью 1928 г. вместе с женой переехал на Тихоокеанское побережье США. Хотя в своем прошении для получения американской визы Павел Васильевич писал консулу, что хочет заняться садоводством, почти все свободное время он посвящал любимому востоковедению, бескорыстно консультируя многих ученых, занимавшихся Востоком.

Русские иммигранты в Сиэтле с первых лет пребывания в этом городе стали образовывать неформальные кружки, в которых устраивались встречи с известными деятелями эмиграции, проводились лекции и концерты. Одним из центров культурной и общественной жизни здесь был Свято-Спиридоновский приход. Одним из строителей этой церкви стал и П.В. Шкуркин. «Вскоре, - писал он, - зародилась благая мысль о необходимости постройки собственного храма Св. Спиридона; после множества препятствий и затруднений, мысль эта была, наконец, осуществлена, и на углу улиц Херрисон и Иел вырос прекрасный храм в старинном русском стиле»[1].

При Свято-Спиридоновском приходе в 30-е годы действовало Общество взаимопомощи имени Святого благоверного князя Владимира (Самопомощь). Оно оказывало материальную помощь нуждающимся, выполняя при этом функции кооперативного страхового общества. Долгое время его председателем являлся П.В. Шкуркин. Он же выпускал одноименное периодическое издание [2].

В октябре 1935 г. был основан «Кружок ревнителей Русской культуры». Старшее поколение хотело тем самым приобщить молодежь к российской истории и культуре. Среди основателей кружка были видные деятели русской общины, в том числе и П.В. Шкуркин. «Этот Кружок, - писали «Русские поля», - будет для всех живущих в Сеаттле «Русским костром», около которого будут согреваться наши иззябшие души. Здесь будет РУССКАЯ ТЕПЛОТА, постепенно оживающие РУССКИЕ ЧУВСТВА К РОДИНЕ» (выд. в тексте) [3]. Сам же Павел Васильевич писал: «Хотя я и отказался от всякой общественной работы, объявив это даже в газете, а на самом деле меня продолжают рвать на части: то газету печатай (есть у нас такая – «Русский листок»), то пиши и редактируй номер газеты специально для Владимирского дня, то исправляй устав Об-ва, то переплетай книги (свои), то обрезай и ухаживай за деревьями. Это, впрочем, не в труд, а в радость: на этом только и отдыхаю» [4].

Русско-американское объединенное общество в Сиэтле основали в марте 1928 г. Цели ставились такие: «войти в американскую жизнь и воспринять высокую культуру этой, для многих ставшей уже своей, страны». Вместе с тем Общество обращало большое

Русскія поля

Изданіе Группы Молодежи Свято-Спиридоновскаго Русскаго Православнаго Прихода, въ городѣ Сіаттлѣ, штата Вашингтонъ.

Годъ 6, №26-й. Суббота, 12-25 Іюня, 1938 года. Цѣна 5 цент.

РАЗРѢШЕНІЕ И БЛАГОСЛОВЕНІЕ,
Правящаго Владыки нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Тихона, на празднованіе Завтра нашего Церковно-приходскаго торжества- Освященія Звонницы и поднятія Колокола на нее, и Освященіе Крестовъ и воздвиженіе ихъ на 9 Куполовъ Храма.

ГОСПОДЬ ДА БЛАГОСЛОВИТЪ ВАШЕ ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО- 26/13 СЕГО ІЮНЯ И БЛАГОДАТІЮ СВОЕЮ БОЖЕСТВЕННОЮ, ДА ОСѢНИТЪ И ПОКРЫЕТЪ ВСѢХЪ УЧАСТНИКОВЪ ЕГО! ПУСТЬ ПОХВАЛЬНАЯ РЕВНОСТЬ И ЩЕДРАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ ВАШИХЪ ДУХОВНЫХЪ ЧАДЪ И ВПРЕДЬ НЕ ОСЛАБѢВАЕТЪ.

Вашъ смиренный богомолецъ и доброжелатель -
†АРХІЕПИСКОПЪ ТИХОНЪ.

Ил.: Обложка журнала.

внимание на поддержание русской духовности, открыло русскую школу, где одним из преподавателей стал П.В. Шкуркин . Он очень переживал за то, что некоторые выходцы из России стали забывать свое прошлое. «Русская дама, - писал П.В. Шкуркин, - заявляет: «Мы в семье принципиально не выписываем ни одной русской газеты и русских книг не читаем. Мы – демократы…» Другая дама просит: «Пожалуйста, в моем доме не говорите по-русски. Мой муж не любит русского языка, и потому своему сыну я не позволяю играть с русскими детьми». Мы в яме. Глубоко. В ней вонь, мерзость, грязь, смрад, гной»[5].

В Америке П.В. Шкуркин продолжил и свою литературную деятельность, опубликовав несколько интересных работ по востоковедению. Одна книга, написанная в этот период, несколько выбивается из общего ряда публикаций. Бесхитростная «История капитана Дагерти», сюжет которой был, скорее всего, навеян прошумевшей гражданской войной, является беллетристикой в полном смысле этого слова.

1 Шкуркин П.В. Освящение храма в Сеаттле // Рус. новости. 1938. 28 окт.

2 Б.М.О. Памяти от нас ушедших: (Корреспонденция из Сиэтла) // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1943. 10 дек.

3 Рус. поля. Сиэтл. 1935. 20 окт. 2 нояб. (№ 37).

4 Музей-архив Рус. культуры в Сан-Франциско. Фонд Рус.-ист. о-ва. Письмо П.В. Шкуркина А.В. Фарафонтову от 3 мая 1938, Сиэтл.

5 Музей-архив Рус. культуры в Сан-Франциско. Фонд Рус.-ист. о-ва. Письмо П.В.Шкуркина А.В.Фарафонтову от 13 дек. 1938, Сиэтл.

Ил.: Церковь Форта Росс

Время от времени возникали общественные организации, целью которых было не только профессиональное объединение, но и научная работа. Русские эмигранты, в том числе и в Америке, задумывались и над тем, как лучше сохранить память об утерянной России. Те, кто был настроен воинственно и не оставлял мысль о свержении ненавистного режима, собирались в различные воинские союзы. Другие же, устав от крови, обратили свои взоры к русским корням в Америке - к истории Российско-Американской компании. Так, 13 июня 1937 г. в Сан-Франциско возникло Русское историческое общество в Северной Америке[1] . Первыми членами правления стали: почетный председатель Феофил, почетный вице-председатель епископ Тихон, А.П. Фарафонтов, А. Вячеславов, В. Шапошников, В.П. Лебедев, Л.П. Лебедева, А.П. Лебедев, Б.П. Лебедев, А.И. Лебедева, М.Д. Седых, А.И. Тюрлеминский, О. Масленников, Иванов и Г. Кошель. Среди деятельных основателей Общества был и П.В. Шкуркин. Членами Общества стали не только проживающие в Америке, но и россияне из Европы. За основу был взят типовой устав соответствующих американских обществ. Первый председатель А. Фарафонтов со своими коллегами предложил два основных направления деятельности: просветительская и научно-исследовательская. Сразу же были установлены связи не только с известными исследователями-американистами, но и с университетами (Калифорнийским и Вашингтонским), библиотекой Конгресса и Калифорнийским историческим обществом. Приступили и к созданию собственного музея[2].

Павел Васильевич принял деятельное участие в делах общества. На его заседаниях, которые в основном проходили на частных квартирах, он читал интересные доклады, помогал энтузиастам-историкам, а также содействовал обществу в издании его «Записок», предоставляя для публикации свои наиболее интересные статьи. Так, в «Записках» вышел его научно-популярный очерк «Открытие Америки (Не Колумбом)». Идея работы выражена словами Шкуркина, вынесенными в эпиграф: «История – наука; всякая наука – для большинства людей скучна. «Нам науки в школе надоели», - скажут многие и не станут читать научной статьи. Поэтому я сейчас пишу не историю, а рассказ, «сказку» для… «крупных» детей» [3].

Учредители занялись и приведением в порядок развалившейся крепости Росс и составлением очерка по ее истории, который вышел в свет в первом томе Записок Общества. Известный писатель русского зарубежья Г. Гребенщиков писал: «Ваши Записки делают вам честь, и я восхищен вашей энергией. Нужно только ставить дело не журнально, а именно научно-исторически. Данные к этому имеются и силы найдутся. Со своей стороны, я накапливаю для Исторического архива большой материал. Все будет собрано и сдано вам, когда у вас будет место, где легче хранить»[4] .

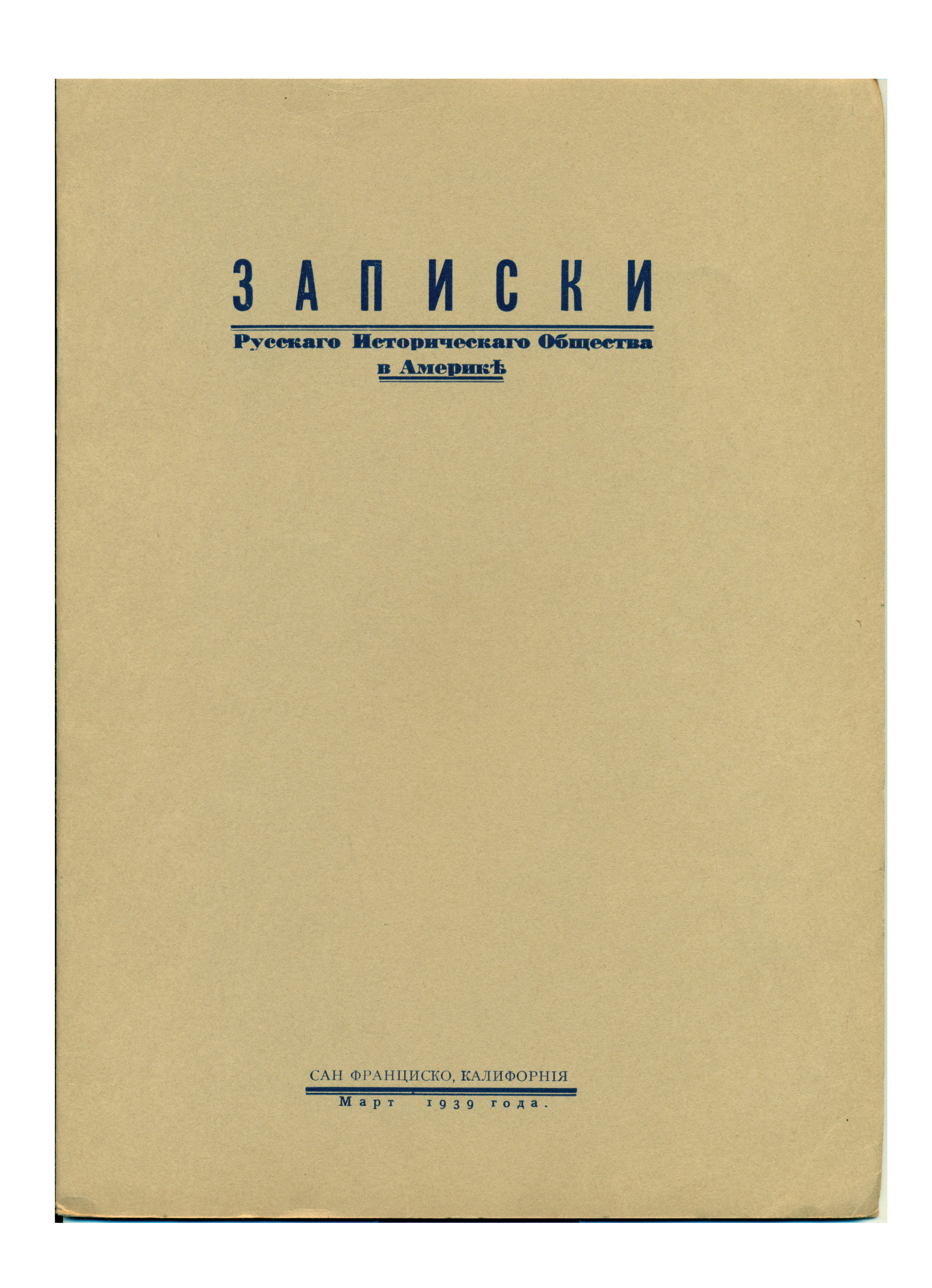
Деятельность Общества быстро расширялась, и было открыто отделение в Нью-Йорке, членами Общества стали многие известные ученые, интересующиеся русской историей в Америке (П.В. Шкуркин, А.П. Кашеваров, Г.З. Патрик, Е.А. Москов и др.), в Европе (С.Г. Сватиков и др.).

1 А.Б. В Сан-Франциско создано первое Русское историческое общество в Америке // Новая заря. 1937. 15 июня.

2 Фарафонтов А. Русский музей – насущная необходимость!.. // Новая заря. 1938. 27 янв.

3 Открытие Америки (Не Колумбом) / Зап. Рус. ист. о-ва в Америке. Сан-Франциско, 1939. Март. С. 1.

4 Записки Русского исторического общества в Америке. Сан-Франциско, 1939. Март.



Ил.: Обложка журнала. Частная коллекция.

12 декабря 1937 г. состоялось открытие читальни Общества, которая расположилась в помещении бывшего Русского клуба (на углу ул. Фултон, № 1198 и ул. Скотт). Читальня работала ежедневно по вечерам с 6 до 9 часов. Литературу в основном дарили, и в первое время ее было немного, но имелись свежие газеты и журналы. Назначались постоянные дежурные, в обязанность которых входило давать советы читателям. Предпринимались и попытки создания собственного музея. С этой целью было организовано несколько выставок, в частности, о русских изданиях в Америке. Для этого было опубликовано обращение к русским общинам [1].

А.Фарафонтов старался собрать все издания как можно в большом количестве. По одному экземпляру отправляли в библиотеку Конгресса (Вашингтон), в Библиотеку Банкрофта (университет в Беркли), в библиотеку Американского Калифорнийского общества (Сан-Франциско) и др. организации, с которыми был налажен научный обмен[2] .

Деятели общества составили проект памятника-часовни Русской славы, который хотели установить на Русской горе в Сан-Франциско. 24 мая 1940 г. председателем был избран М.Д. Седых. В Русском историческом обществе часто проводились лекции, с одной из наиболее интересных выступила М.В. Брызгалова (урожденная Анненкова), которая 14 июня 1940 г. поделилась воспоминаниями о встречах с декабристами[3] .

Седых смог достойно отметить 200-летие открытия русскими Аляски. К этой дате выпустили Юбилейный сборник, который смогли распространить по всей Америке. Во время 2-й мировой войны деятельность Общества почти замерла. Последним крупным мероприятием стало возвращение в форт Росс его исторического колокола. Завершающее собрание общества состоялось 23 мая 1948 г., на котором М.Д. Седых отказался от должности и предложил все дела

1 Фарафонтов А., Могильников Г. Открытие бесплатной читальни Русского исторического общества // Новая заря. – 1937. - 9 дек.; Фарафонтов А. От Русского исторического общества в Америке всей зарубежной прессе, ко всем Российским организациям, обществам, отдельным русским людям, еще горящим желанием принести пользу России… // Новая заря. 1938. 22 дек.

2 Музей русской культуры. Коллекция Русского исторического общества. В. 4. (Письмо А.П. Фарафонтова С.Г. Сватикову от 27 февр. 1938).

3 Присутствовавшая. Лекция М.В.Брызгаловой в историч. об-ве // Рус. новости. 1940. 21 июня.

передать новому Музею русской культуры. Общество согласилось и попросило присутствовавшего на собрании П.Ф. Константинова принять все дела[4].

К концу своей жизни Павел Васильевич подготовил к изданию еще несколько работ, которые составили следующие сборники: «Праздничные рассказы» (Детская любовь, Две елки, Мальчик, Сочельник, Грех, Чей суд? Язычник и Дикая Роза, Чудесные случаи, Самоубийца, Сеанс и Дуэль); «Китайские вопросы» (Быть или не быть? Наводнение в Китае, Может ли в Китае привиться коммунизм? Вопрос о населенности Китая в связи с войной, Соседи, Новый Год, Дэнъ-цзе (праздник фонарей), Научная экспедиция с приключением, Незнакомый сосед, Китайский вопрос на местной почве, Ромео и Джульетта, Первый парламент Китая, Падение Миньской династии и воцарение Циньской; Китайские предания и легенды (Старые вещи, Царица Неба, Дуанъ-янъ-цзе, Ланъ, лань, Янъэр Ланъ, Лисицы, Три героя и два персика; Китайские детские сказки (Два брата, Тигр, Волшебное кольцо, Доктор и потоп); Статьи по истории и культуре (Два слова по истории, Забытые русские имена, Хранилища культуры, Одиссея русских ученых, П.Н.Краснов и его произведения, Корешки русской истории, Время Владимира Святого и его роль в истории, Бабеньки, маменьки, папеньки, Пора (пустяки), Воспоминания о Скобелеве, Кадетский бунт, О скворце и аисте, Фараон и вор)[5].

В старости Павел Васильевич, занимаясь подведением итогов, много размышлял о прошлом. Он готовил к изданию четыре работы: Материалы по истории Китая; Барон Унгерн и Атаман Семенов; Полвека назад (Александровцы); Движение России на восток. Он сообщил об этом в одной из книг[6]. П.В. Шкуркин писал: «Лет 8 тому назад я начал было описывать жизнь Александровского училища, но Куприн (отличавшийся плохой памятью) напечатал одну главу своего предполагаемого романа «Юнкера» в какой-то газете. Я ему написал, что он все врет, потому что забыл. Он в ответ прислал мне целый вопросник, на который я обстоятельно ответил. Читая впоследствии его «Юнкеров», я увидел, что он использовал мои ответы, но не все. Вскоре и Минцлов (оба они были на младшем курсе, когда я был на старшем) написал свои воспоминания об училище и написал гораздо ближе к истине, чем Куприн. И, хотя мои воспоминания на год старше и захватывают события еще более раннего времени, но я остановился. Где же мне тягаться с этакими литературными величинами! Да, кроме того, я писал мои ЛИЧНЫЕ (Выд. П.В. Шкуркиным) воспоминания»[7]. К сожалению, эти работы так и не увидели свет

В семейной жизни Павел Васильевич Шкуркин был добрым и заботливым отцом. Правда, члены семьи отмечали его некоторую вспыльчивость, но благодаря отходчивости она не мешала Павлу Васильевичу пользоваться всеобщей любовью.

П.В. Шкуркин скончался 1 апреля 1943 г. в Сиэтле от последствий уремии. «Нельзя не пожалеть, - отмечалось в некрологе, - что в Сиэтле не могли оценить и использовать его глубоких знаний в области востоковедения, китайского яз. и др. Здесь он отдавал свою энергию, свою отзывчивость общественным мероприятиям, служившим на пользу русской колонии. Не было такого общественного начинания, где бы он ни участвовал, ни выступал как организатор, лектор, незаменимый работник. Торжества в дни Св. Владимира, дни Пушкина, юбилей Чайковского, участие в Кружке любителей русской культуры имели в лице Павла Васильевича самого ценного участника. Как вице-председатель церковно-приходского совета Св. Спиридоновского прихода, ценный участник церковного хора, заведующий русской библиотекой при этом храме, приведенной им в образцовый порядок, покойный везде все делал с такой настойчивостью, так целесообразно, что его работа чувствовалась на каждом шагу. Будучи одним из организаторов общества «Самопомощь», он несколько последних лет нес обязанности председателя правления этого общества, оказывающего помощь членам в случае болезни и выдающего пособие на погребение. За время его председательствования общество материально выросло, окрепло и может похвалиться образцовым порядком, строгим блюстителем которого во всех областях он был»[8].

Оба сына П.В.Шкуркина (Олег - специалист по электронике и Владимир - художник и преподаватель) скончались в один и тот же год - 1990 в Калифорнии и похоронены на Сербском кладбище в Кольме (Сан-Франциско).

4 Музей русской культуры, Коллекция Русского исторического общества. Б. 4. Протокол общего собрания Русского исторического общества, состоявшегося 23 мая 1948 г. в помещении Свято-Троицкого собора.

5 Шкуркин П.В. Корейские сказки / Рис. и обл. худ. И.Герасимова. Шанхай: Тип. изд-ва «Слово», 1941. С. 252 - 253.

6 Там же. С. 253.

7 Музей-архив Рус. культуры в Сан-Франциско. Фонд Рус.-ист. о-ва. Письмо П.В. Шкуркина А.В. Фарафонтову от 23 нояб. 1938, Сиэтл.

8 Коропачинский П. П.В. Шкуркин: (Некролог) // Рус. жизнь. 1943. 6 апр.

Приложение:

1. Хронология жизни П.В. Шкуркина

3 ноября 1868 - Родился в с. Лебедино Харьковской губернии в семье офицера.
1888 - Окончил с отличием Александровское военное училище.
Осенью 1889 на пароходе «Петербург» приехал во Владивосток.
В чине поручика уволился со службы. Пристав Верхне-Уссурийского, а затем Ольгинского участка.
1900 - За отличие в бою во время Боксерского восстания штабс-капитан .
1903 - окончил Восточный институт во Владивостоке с 1-м разрядом.
С 20 мая 1903 - Помощник Владивост. полицмейстера.
Участник русско-японской войны, штабс-капитан, командир разведки Ренненкампфа, неоднократно отличался в боях, награды с надписью «За храбрость», в том числе китайский орден Двойного Дракона 2-й степени.
Переводчик на КВЖД в Харбине.
1916 - Пригласил В.К. Арсеньева прочитать цикл лекций в ОРО.
20 мая 1917 написал «Необходимое предуведомление» к кн. «Дерсу Узала».
Преподаватель в учебных заведениях Харбина.
Январь 1927 подал прошение американскому консулу с просьбой разрешить приехать в Сиэтл к своему сыну-художнику. Член-учредитель Рус. ист. общества в США.
1 апреля 1943 - умер в Сиэтле

2. Источники и литература:

Собр. В.В. Шкуркина (Сан-Пабло, Калифорния, США). Архив П.В. Шкуркина;
Хроника: (О работе в полиции) // Владивосток. - 1903. - 3 авг. (№ 31).
Скачков П.Е. Библиография Китая... - Алфав.указ. - С. 683 (48 назв.);
Serisev In. Pavel Vasilievich Shkurkin // Album of great outstanding and eminent personalities of Russia with short biographies Part II. - Sidney: W. C. Penfold & Co. Ltd. printers, 1946. - P. 14. - Фото;
Жернаков В.Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ. 1903 - 1973. - Сан-Франциско, 1973. - С. 19-21. - Библиогр.: с. 21-23;
Хисамутдинов А. Кое-что о жизни владивостокского полицмейстера // Красное знамя. - 1993. - 15 апр. - С портр.
Мелихов Г. Маньчжурия далекая и близкая. - М.: Наука. - С. 134, 284.
Каневская Г.И., Павловская М.А. Деятельность выпускников Восточного института в Харбине // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. - N 1. - Владивосток, 1994. - С. 76.
Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предварительная опись. 2-е изд. - San Pablo, CA (США): Изд-во В.В.Шкуркина, 1997 (Май). – i-vii, 133 с., ил.
Хисамутдинов А.А. Синолог П.В.Шкуркин: «... не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбов» // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. - 1996. - № 3. - С. 150 – 160.

3. Сочинения П.В. Шкуркина:

1. О доставлении скота в пути из Маньчжурии // Бюл. Примор. статист. бюро, 1903.
2. П.В. Город Хулань-чэн: Очерки из ист. и эконо. быта Центр. Маньчжурии. // Изв. Вост. ин-та. Владивосток. Т. 3, вып. 4; То же. Никольск-Уссурийский: 1903. 94 с., рис., карта.
3. Ло-ло: Кит. легенда / Пер. с кит. Хабаровск, 1910.
4. Настольная книга о Китае. Вып. 1. Справ. отд. Харбин: Русско-кит. тип. газ. «Юань-дун-бао, 1909. - 63, 16 с., ил. - В соавт. с А.Ландезен.
5. Мишань-фу и его район // Приамурье. – Хабаровск. 1909.
8. Белая Змея: Кит. легенда. - Хабаровск: Тип. Штаба Приамур. воен. округа, 1910. - 196 с.
Упразднение религии в Китае // Вестн. Азии. – 1910. - № 3. – С. 51 – 52.

Художественная выставка в Китае. 2450 лет назад: Ист. Драма времен династии Чжоу // Вестн. Азии. – 1910. - № 6. - С. 94.
6. По Востоку: Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэй'я. Чжи-фу, Шанхая, Хан-чжоу, Су-чжоу, Ань-цин-фу. Реорганизация войск в Центральном Китае // Вестн. Азии. - 1911. - № 9. – С. 140 - 219; 1916. - № 38 - 39. - С. 112 – 137.
7. По Востоку: (Отрывки из путевого дневника 1906 г.) // Зап. Приамур. отдела Имп. о-ва востоковедения. - Хабаровск, 1912. - Вып. 1. - С. 115 - 166, 2 л. ил.; 1913. - Вып. 2. - С. 190 – 241.
9. По Востоку. В 2 ч. – Харбин, 1912. Ч. 1: Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэй'я. Чжи-фу, Шанхая, Хан-чжоу, Су-чжоу, Ань-цин-фу. - Харбин: Тип. «Юань-дун-бао», 1912. - 197 с.; Ч. 2: Реорганизация войск в Центральном Китае. Корея и Япония. - Харбин: Тип. КВЖД, 1916. - 109 с.
10. Официальный отчет по Гиринской провинции за 34-й год Гуан-сюй (1908) / Сост. применительно к конституц. требованиям 1912 г. / Пер. с кит. - Хабаровск: Изд. штаба Приамур. округа, 1913. - 190 с.
11. Страница из истории Китая. Падение Минской династии и воцарение Цинской (По Эвемону) // Вестн. Азии. - 1913. - № 18. - С. 1 – 31.
12. Старое и новое об инородцах Юго-Западного Китая. - Вып. 1: Харбин, 1913. - 40 с.; - Вып. 2: Харбин, 1916. - 95 с.
13. Японо-китайский конфликт. - Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. - 1 - 25 с.
14. Китайские сказки / Пер. с кит., из собр. L.Wieger'а. Вып. 1. - Харбин: Изд. ОРО, тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. - С. 1 – 48. - Отд. отт. из «Вестн. Азии» за 1914-15.
15. Японско-китайский конфликт: (Докл. в ОРО) // Вестн. Азии. - 1915. - № 34. - С. 170 – 192. - Отд. отт.
16. Из недавнего прошлого Китая // Вестн. Азии. - 1915. - № 35 - 36. - С. 39 – 54.
17. Реорганизация армии в Центральном Китае, Корее и Японии. - Харбин: Тип. КВЖД, 1916. - 109 с.
18. Переворот в Китае // Вестн. Азии. - 1916. - № 37, кн. 1. - С. 1 – 33.
19. Двойное подданство // Вестн. Азии. - 1916. - № 38 - 39. - С. 1 – 9.
20. Нумизматическая заметка // Вестн. Азии. - 1916. - № 40. - С. 28 – 32.
21. Русско-китайское соглашение относительно Барги // Вест. Азии. - 1916. - № 40. - С. 45 – 48.
22. Исторические таблицы Китая в красках. - Харбин, 1917.
23. Китайские рассказы и легенды / Пер. с кит. и прим. - Харбин, 1917. - Ок. 53 с.
24. Справочник по истории стран Дальнего Востока. Ч.I. Китай. Полные хронологические таблицы императорской линии собственно Китая, с указанием важнейших моментов китайской и всеобщей истории. Прил. - Харбин, 1918. - 134 с.; (То же) // Вестн. Азии. - 1918. - № 47. - С. 1 - 135. Рец. (В.А.) // Восток. - № 5. - С. 225 – 227.
25. Монгольский вопрос. - Харбин, 1920.
26. Анамнез: Пособие при изучении кит. разговорного языка: Мед. прил. Анамнез (для врачей) на рус. и кит. / На рус. и кит. - Харбин, 1921 и 1922. - В соавт. с Э Сун-цзинь.
27. Китайские легенды. - Харбин: Типо-литогр. «ОЗО», 1921. - 161 с., карта.
28. Китай и Дальневосточная перспектива // Русское обозрение. - Пекин, 1921. - № 1 -2 (Янв. - февр.). - С. 34 – 50.
29. Тонкая ива: Кит. повесть для дам и для идеальных мужчин. - Харбин: Типо-литогр. тов. «ОЗО», 1922. - 38 с.
30. Некоторые данные о русской земле по древним источникам // Вест. Азии. - 1922. - № 48, вып. I. - С. 59 – 62.
31. Образование школы в Китае // Вестн. Азии. - 1922. - № 48. - С. 76 – 83.
Легенды
32. Население Китая // Экон. вестн. Маньчжурии. - 1923. - № 27. - С. 14 – 16.
33. Хунхузы: (Этногр. рассказы) // Изв. ОИМК. - 1924. - № 4. Секц. историко-этногр. - С.36 – 57.
34. Рассказы из китайского быта. Хунхузы: Этногр. рассказы. - Харбин, 1924. - 138 с., с портр.
35. Богиня луны и лунный заяц // Вест. Азии. - 1924. - № 52. - С. 352 – 354.
36. Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени). - Харбин: Изд. ОИМК, тип. «Заря», 1925. 1927. - 170 с., прил.; То же. Отд. изд.
37. Хунхузы: Рассказы из кит. быта. - Харбин: Типо-литогр. тов. «ОЗО», 1924. - 138 с. - С портр.
38. Несколько слов о доисторическом Китае // Вестн. Азии. - 1924. - № 52. - С. 345 – 351.
39. Legendoj en hina historio: «Zono de Oriono» / Пред. И.Серышева // Oriento / Monata ilustrita revuo en esperanto. - Harbin: Esperanta eldona kompanio «Oriento», 1925. - Julio (№ 1). - P. 1 – 25.
40. Legendoj en historio de Hinujio: Diabla valo // Oriento / Monata ilustrita revuo en esperanto. - Harbin: Esperanta eldona kompanio «Oriento», 1925. - № 2. - P. 1 – 23.
41. Ключ-конспект и торгово-промышленный указатель к карте Китая, изд. П.В.Шкуркиным и М.В.Зайцевым. - Харбин, 1926. - 21 с.
42. Карта Китая. 156 Х 108 см., в красках. С прил. ключа. - [Харбин], 1927. - В соавт. с М.Зайцевым.
43. Игроки: Кит. быль. - Харбин: Типо-литогр. Л.М.Абрамовича, 1926. - 121 с.
44. Пособие при изучении китайского разговорного языка. В 2 ч. – 2-е изд. - Харбин, 1926. - Ч.1. - 56 с.
45. Восточная Азия: Сокращенный учебн. востоковедения для школ II и III ступени. В 2 ч. - Ч.I. - Изд. курсов кит. яз. КВЖД. - Харбин: Худ. тип. «Заря», 1926 - 181 с.; - Ч. II. - Харбин: Тип. И.Эленберга, 1926. - 100, II с., карта.
46. Outlines of Tao-ism. The Journeyings of the eight immortals beyond the seas. - Kharbin: CER, 1926 - 50 p.
47. Путешествие восьми бессмертных за море: Даосское сказание. - Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1926. - 104,

I-II (Библиогр. раб. П.В.Шкуркина) с., рис. - Картина Ш. «Восемь бессмертных переплывают море». - С. 33. - Отд. отт. из «Вестн. Маньчжурии» 1926. - № 8 и 9,

48. По Востоку. Ч.I. Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-Хай-Вэй, Чжи-фу и Шанхая. - Харбин: Тип. «Юань-Дун-Бао». - II, 97 с.; Ч.II. Хань-Чжоу, Су-Чжоу, Ань-Цин-ФУ. Легенды в китайской истории [Харбин, 1922].

49. Картины из древней истории Китая. - Харбин, 1927. - 110 с. - Библиогр. работ П.В.Шкуркина - 109 с.

50. История капитана Догерти. - Сан-Франциско: Изд-во «Земля Колумба», тип. газ. «Рус. новости», [1939]. - 58 с. - Рекл.

51. Современная литература Японии, Индии и на Дальнем Востоке // Калифорнийский альманах. - 1934. - Сан-Франциско: Изд. Лит.-худ. кружка г. Сан-Франциско, Харбин. тип. Н.Е.Чинарева, 1934. - С. 171 – 173.

52. Забытые русские имена: (Лекция П.В.Шкуркина) // Рус. поля. – 1938. – 5 февр.

53. Открытие Америки (Не Колумбом) / Зап. Рус. ист. о-ва в Америке. - Сан-Франциско, 1939. - Март. - С. 1-43.

54. Корейские сказки / Рис. и обл. худ. И.Герасимова. - Шанхай: Тип. изд-ва «Слово», 1941. - 253 с.

55. Краткий отчет по Русской библиотеке при Свято-Спиридоновском соборе в гор. Сиэтле // Рус. поля. - 1943. - 20 - 27 дек. / 2 - 9 янв. (№ 1 - 2).